

СИДЬЕ УЛЬСТАЙН

ШЕПОТ ПИТОНА

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР НОРВЕГИИ
ПРАВА НА ИЗДАНИЕ ПРОДАНЫ В 12 СТРАН**

«Оригинальный, острый, нежный и одновременно пугающий,
этот роман амбициозен и гипнотически читабелен».

— КРИС УИТАКЕР, АВТОР МИРОВОГО БЕСТСЕЛЛЕРА
«МЫ НАЧИНАЕМ В КОНЦЕ»

Крафтовый детектив из Скандинавии. Только звезды

Силье Ульстайн

Шепот питона

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.113.5-312.4
ББК 84(4Нор)-44

Ульстайн С.

Шепот питона / С. Ульстайн — «Эксмо», 2020 — (Крафтовый детектив из Скандинавии. Только звезды)

ISBN 978-5-04-169830-0

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР НОРВЕГИИ. ПРАВА НА ИЗДАНИЕ ПРОДАНЫ В 12 СТРАН. А вам когда-нибудь приходилось сбрасывать кожу? «Оригинальный, острый, нежный и одновременно пугающий, этот роман амбициозен и гипнотически читабелен». – Крис Уитакер, автор мирового бестселлера «Мы начинаем в конце» Это мой рассказ. Моя история. Она закручена и переплетена, как кольца гигантской змеи... Я – питон по имени Неро. Когда-то меня взяла к себе Теплая женщина по имени Лив. Она полюбила меня. Она кормила меня живыми существами. Живя у нее, я начал понимать язык людей и привык к теплой крови. И все это время я ждал настоящей добычи. И мечтал лишь об одном – проглотить Теплую женщину, вобрать ее в себя... Маленький норвежский городок Кристиансунн. Мариам Линд отправляется за покупками со своей одиннадцатилетней дочерью. После внезапной ссоры она уходит, думая, что девочка сама доберется до дома... но та бесследно исчезает. И теперь Мариам не может внятно объяснить полиции, зачем в тот день она, вместо того чтобы просто вернуться домой, поехала на машине за много километров от места, где пропала ее дочь... Это рассказ о том, как люди могут быть змеями. И, главное – как они могут ими стать... «Высокий прицел, стопроцентное попадание в цель. Благодаря убедительной, более или менее свободной от клише прозой и изысканному чувству композиции Силье Ульстайн удалось написать действительно выдающийся триллер». – Aftenposten «Лучший норвежский дебютный триллер за годы». – Adresseavisen «Невыносимо волнующе... глубоко оригинально... Я предсказываю, что Силье Ульстайн ждет впереди великая писательская карьера». – Dagbladet «Это темный, захватывающий роман; в нем нет ничего, что могло бы прийти вам в голову. Короче, очень хороший триллер». – Aftenbladet

УДК 821.113.5-312.4

ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-04-169830-0

© Ульстайн С., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Часть I	7
Лив	7
Мариам	10
Лив	12
Руе	13
Лив	16
Мариам	21
Лив	25
Лив	28
Руе	32
Лив	36
Ронья	38
Лив	39
Мариам	42
Лив	46
Ронья	49
Лив	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Силье Ульстайн

Шепот питона

Silje O. Ulstein
Krypdyrmemoarer

© Наумова А.В., Юченкова А.К., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Я – это Другой.
Артур Рембо

Часть I

Лив

Олесунн¹

Среда, 16 июля 2003 года

В первый раз тело его поразило меня. Словно оживший серый гранит и в то же время – мягкая наждачная бумага. Шершавое и гладкое. Тяжелое и легкое. Сперва я поразилась, насколько он теплый, а ведь полагала, что окажется насквозь ледяным. Или мне до этой самой минуты не хотелось верить, что он живой. Лишь намного позже я уяснила: он отдает не собственное тепло, а чужое – то, что впитал сам.

Он свернулся у меня на руках – метр длиной, и все равно пока кроха. Приподняв голову, уперся мне в руку и обратил на меня взгляд. Возможно, пытался понять, что я за существо. Добыча я или враг. Раздвоенный язычок чуть подрагивал, тело медленно двинулось вверх по груди, к горлу. Там он замер, завис в воздухе, уставившись в меня каменно-мертвыми глазами. Я заглянула ему прямо в узенький зрачок – немигающий, неизменный. Взаимопонимание между нами невозможно, и тем не менее он как будто старался установить со мной связь.

В нем присутствовало нечто невесомое. Способность удерживать в воздухе такую крупную часть тела – при всей видимой легкости. Казалось, пожелай он – и, отвергнув все земное, переместится в невесомость. Даже мысль о том, что живое существо настолько владеет собственным телом, не укладывалась у меня в голову. Она будто толкала меня в пропасть. Я вытянула руку, и он свесился с нее, как с ветки, всматриваясь мне в лицо.

– Ты ему понравилась, – сказала женщина, по-американски выговаривая «р» и «л». Она проводила меня обратно на прохладный чердак, где в клетках вдоль стен сидела всяческая живность. В голосе моей собеседницы звучала искренняя радость. – Он, похоже, тебе тоже нравится?

Нравится? Нет, это слово недостаточно емкое. Нравится – это про клевую куртку. А тут дело совсем другое.

– Можно подержать?

– А мне когда подержать можно будет?

Из-за моей спины высунулись Ингвар и Эгиль. Я про них едва не забыла. Ингвар, бородатый брюнет с длинными, как у меня, волосами, был на пару лет старше блондинистого Эгиля в белой рубашке, однако выглядели эти двое как подростки-близнецы. Они вполне могли бы сказать «нравится». Им змея нравилась, как нравится определенная музыка, или сорт пива, или что там еще. А вот сама-то я что испытывала? Материнское тепло, влюбленность? Внутреннюю связь, несмотря на принадлежность к разным биологическим видам? Посмотрев в маленькие глаза, такие непохожие на мои собственные, я решила, будто вижу в них доверие – или понимание.

* * *

Эта идея родилась у нас относительно недавно. Тогда, в пять утра, в самой крутой цокольной квартире Олесунна, где круглосуточно плавился в лавовой лампе красный парафин, висела густая пелена сигаретного дыма. В гостиной, где всего пару часов ранее было не протолкнуться,

¹ Олесунн – город на западном побережье Норвегии.

нас осталось всего несколько человек. Мы тоже почти выдохлись, но не совсем. Буйная радость давно стихла, в комнате сладковато пахло табаком; Ингвар, развалившись в кресле, наигрывал на гитаре всякие старые рок-хиты. Даже Эгиль, весь вечер ставивший на полную громкость «50 Сент» и «АутКаст», спустил подвернутые рукава рубахи и уселся на пол, обняв какую-то девушку – похоже, свою однокурсницу с факультета бизнес-аналитики.

Сама я выкурила хороший косяк, который мне забил Ингвар, меня пробрало, и я ушла в себя. Лежала на диване и разглядывала потолок – тот, казалось, поднимается и опускается, словно умеет дышать. Я собиралась лежать вот так, пока не усну, слившись в едином ритме с потолком, когда откуда ни возьмись рядом возник какой-то чувак. Он куда-то выходил, но потом вернулся – это был знакомый Ингвара или Эгиля; кто именно, мне было плевать. Впоследствии лицо его тоже забылось; я запомнила лишь, как он сидел на полу возле моего дивана и все пытался разговорить меня, однако в тот момент меня занимал только потолок. Сделав несколько не увенчавшихся успехом попыток, парень встал и пересел еще к кому-то.

Я уснула – или наконец мы с потолком объединились, – но потом очнулась. Из сна меня вырвал крик Ингвара. Девушка, с которой Эгиль до этого сидел в обнимку, теперь лежала у него за спиной, прикрыв рукой глаза. Сам Эгиль не сводил взгляда с телевизора. На экране показывали джунгли: какой-то мужчина, стоя по пояс в грязи, вытаскивал что-то из воды. Это оказалась змея с блестящей коричнево-черной кожей. Толщиной змея была с аллигатора, но намного длиннее. Мужчина все тянул ее, а змея никак не заканчивалась. Нет, все-таки кожа у нее была коричневая, черная и желтая. «Великий питон! – выкрикнул мужчина, а змеиное тело становилось все толще и плотнее. – Огромная змея! Вот, это у него голова!» Тут питон разинул пасть и разъяренно кинулся на мужчину. Тот отшатнулся и со сдавленным криком отступил. Змея последовала за ним.

Я сглотнула. Эгиль нервно хохотнул и выругался, но будто где-то далеко: сердце у меня колотилось так, что заглушало почти всё. Стены в гостиной дрожали от ударов моего сердца. Щеки горели, ладони вспотели. Прежде я еще никогда не ощущала так близко свое собственное тело. Никогда – так отчетливо. Мягкие движения змеи, спрятанная под гладкой кожей сила околдовывали меня. Я была не в силах отвести взгляд от экрана, где мужчина достал из-за кустов фотоаппарат и принялся фотографировать огромную змею. «Всего пару кадров». Австралийский акцент, быстрые движения. Мы со змеей почти одновременно вытянули шею и распахнули глубокую пасть с маленькими зубами, почти не делимыми друг от дружки. Мягкую глотку и зависший в воздухе язык. А потом мы с ним бросились вперед. Гостиная наполнилась криками ужаса и восторга, а мы с питоном вонзили зубы в толстую волосатую руку.

– Я думал, что умру, – сказал австралиец, – думал, он добрался до меня. – Он сидел на раскладном стульчике, а за спиной у него виднелась палатка. – Это ему раз плюнуть. Хорошо, что он нижней челюстью зацепился мне за штаны – иначе кранты.

На экране снова появилось видео, где змея кусает мужчину, а потом еще раз, но в ускоренном темпе. Мягкая розовая пасть опять и опять мелькала передо мной, сперва быстро, потом медленно, и я видела, как бледно-розовый язык уперся в ткань и как змея наконец обмякла. Я представила, каково это – дотронуться до ее языка. Закрыла рот. И сглотнула.

– Я знаю, где добыть такого, – заговорил вдруг этот незнакомый, непонятно откуда взявшийся чувак. – Ну, ясное дело, не такого здоровенного, как этот, но маленьких кое-где продают. Детенышей.

Сейчас, вспоминая все это, я стараюсь припомнить, как он выглядел, но перед глазами встает лишь голова – ни глаз, ни носа, ни рта. Однако я помню, что на несколько секунд в гостиной повисла тишина. Эгиль повернулся и широко улыбнулся мне. Я попыталась улыбнуться в ответ, но чересчур разволновалась и боялась, что он заметит, как сбивается у меня дыхание, как горят щеки и как я сглатываю. Я медленно кивнула. Эгиль обернулся к Ингвару – губы у того растянулись в похожей улыбке. Тот тоже кивнул. Вот так мы всё и решили. Заведем змею.

Присутствующие вновь пробудились к жизни, в комнате зазвучали голоса и смех. Этот незнакомый парень вытащил серебристый цифровой фотоаппарат и сфотографировал нас. Я, Ингвар, Эгиль, девушка и парень – все мы перед экраном, на котором застыло изображение шестиметрового питона.

* * *

Наш новый член семьи был тигровым питоном всего-то метр длиной. По-прежнему ребенок. Однако это существо совершенно меня околдовало. У меня было такое чувство, будто я зависла над пропастью, и от этого мне удивительно хорошо. Прежде чем передать его в чужие руки, я поднесла питона к лицу и прошептала:

– Я заберу тебя домой.

Наверное, мне почудилось, однако питон кивнул.

Мариам

Кристиансунн

Пятница, 18 августа 2017 года

– Мама, можно мне журнал?

Ибен держала в руках блестящий журнал с комиксами. Фигура на обложке представляла собой соблазнительную девушку-зомби с блестящими, картинно надутыми губами. Обычно по магазинам с Ибен я отправляю Тура. Самой мне нравится делать покупки в одиночку. Однако сегодня мы с Ибен проводим день вдвоем – это была моя идея. В понедельник ей в школу, и мне захотелось самой купить нашей семикласснице новую одежду и всякую всячину для школы. Захотелось остаться с ней наедине, чтобы мы опять сблизились. В последнее время отношения у нас не ахти – чем она взрослее, тем дальше от меня.

Мы уже почти три часа бродили по торговому центру «Стуркайя». Ибен выбрала себе наряд: обтягивающие брюки и кружевную блузку с пуговицей на шее, розовые туфли и того же цвета худи, которые она тут же и надела. Мы вертелись перед зеркалами, фотографировались и шутили – даже нашли желтый свитер ее размера, похожий на мой кашемировый свитер, и отправили снимок Туру. Она так похожа на меня в ее возрасте! Порой мне даже не по себе оттого, что мы с ней так похожи, но сегодня я обрадовалась. После магазинов мы уселись в кафе и взяли по мороженому. Я задавала ей неопасные вопросы, а она отвечала. Мы поболтали о лошадях. Одна подружка Ибен занимается верховой ездой, и Ибен тоже хочет. Я пообещала поговорить с Туром, вот только Ибен тотчас же заулыбалась так, будто я ей уже разрешила.

Ибен – красотка: светлые кудри падают на глаза, носик узкий и губы тоже. Уродливая героиня комикса – ее полная противоположность. Ибен скорчила умильную рожицу, явно пытаясь очаровать меня. На Тура это действует – тот вообще очень часто повинуется зову сердца, – однако по отношению ко мне такая тактика обречена. Я чувствую себя обманутой. Одиннадцать лет я заботилась о ней, следила, чтобы она не поранилась, не упала с дивана, не подавилась, не проглотила кубик «Лего». Утешала ее, когда она плакала, когда болела. Но Ибен на все это плевать. Ей главное, чтобы подарки дарили и всё разрешали.

Я взяла журнал у нее из рук. На несколько секунд Ибен задержала на мне взгляд; и в ее темных глазах по-прежнему горело: «Дай, дай, дай». Я пролистала пару страниц. Девушки-зомби с огромными накрашенными глазами занимаются своими повседневными делами, ходят в школу, красятся. Тот, кто нарисовал эти картинки, знает, как извлечь выгоду из любви девочек ко всему блестящему.

– И чему это тебя научит?

Ибен опустила взгляд. Ковырнула пол новой туфелькой.

– Ибен. Чему это тебя научит?

– Не знаю, – прошептала она.

– Мне кажется, тут вообще ничего путного нет. Оно тебе вообще зачем?

По-прежнему глядя в пол, она дернула вместо ответа плечом.

– У них шея толще бедер, – продолжала я.

Я сунула журнал ей в руки, встала у нее за спиной и открыла первую страницу.

– Смотри. Никакой истории. Текста почти нет, только картинки. Весь журнал – уродливые картинки накрашенных девушек. Тебе это зачем, Ибен?

Она покачала головой. Попробовала вырваться, но я ее удержала. И перелистнула страницу.

– Смотри, – я опять перевернула страницу, – видишь? Десять страниц, и все еще никакого рассказа. Журнал ни о чем.

Я и сама слышала, что говорю чересчур строго, но нельзя же позволять дочери опускаться до такой безвкусицы. В следующий раз она и сама задумается. Ибен снова попробовала вывернуться, однако я сдавила ее локтями. Не сводя глаз с новых туфель, она разжала пальцы, так что теперь журнал держала только я, и ее руку – тоже. Ибен ойкнула и дернула рукой. Я перегнула палку.

– Прости, я не хотела. Просто мне не хочется, чтобы ты читала всякую дрянь, от которой только тупеешь. Найди что-нибудь получше – и я тебе это куплю.

Ибен выхватила у меня из рук журнал и, вжав голову в плечи, бросилась к полке. И тут у меня зазвонил телефон. Я порылась в сумке и вытащила сперва мобильник Ибен – у нее карманы неглубокие, поэтому она отдала телефон мне. Порывшись еще, отыскала и свой собственный. Звонил один из бухгалтеров. Наверное, хочет назначить встречу, чтобы нанять еще секретарей. В июне «Наше здоровье» выиграло тендер, и в журнале «Время зовет» напечатали нашу фотографию, где мы с марципановым тортом и бутылкой шампанского. Мы планировали все лето – и теперь готовы были приступить к работе. Однако сегодня моя дочь важнее работы, я обещала. Поэтому на звонок отвечать не стала.

Возле полки с журналами Ибен не оказалось. Я взяла другой журнал с комиксами, на вид попроще, и сборник кроссвордов. Еще раз посмотрела напоследок на девушек-зомби. Поговорю с ней сегодня вечером.

Возле кассы Ибен не было. И около полок с конфетами. И перед магазином. Я переложилась покупки на ленту, потянулась за телефоном, чтобы позвонить ей, но вспомнила, что ее мобильник у меня. Таким маленьким девочкам сумочки не полагаются, но, видно, придется ей все же купить. Расплатившись, я спросила было кассира, не видел ли он одиннадцатилетнюю девочку, однако с таким же успехом могла бы спросить и сам кассовый аппарат. Покупки я разложила по пакетам, а тележку выкатила на улицу, где остановилась между двумя магазинами и огляделась. Ибен нигде не было, и я зашагала к парковке, с силой толкая перед собой тележку и чувствуя, как терпение меня покидает. Я стиснула зубы и двинулась к машине.

Возле паркомата Ибен я не обнаружила, и рядом с машиной тоже. Я озиравшись по сторонам, но увидела лишь несколько машин, и ни единой девочки. Пора мне забегать по парковке, позвать охранников и попросить их дать в громкоговоритель объявление. И испугаться, что кто-нибудь ее увел. Ей только этого и надо. Нет, ничего у нее не получится, я в такие игры не играю. Я принялась складывать продукты в багажник, с нарастающей злостью швыряя пакеты – похоже, несколько яиц разбилось, хорошо бы они вытекли прямо на журналы Ибен! Пустую тележку я оттолкнула так, что она со звоном ударилась о стену и перевернулась. Когда я уселась в машину, колесики у тележки по-прежнему крутились. Мое пальто за четыре тысячи крон зажалось дверцей, я дернула его, и ткань затрещала.

Я завела машину. Бегают Ибен быстро, поэтому минут через десять уже будет дома. А я за ней бегать не стану. Ну вот, еще немного, и на дорогу сверну... А захочу – так и вообще уеду отсюда. И прощай, семейная жизнь.

Лив

Олесунн

Суббота, 23 августа 2003 года

Натянув на голову капюшон, он, ссутулившись, шагал вперед. Этот свитер я узнала изда- лека – в серо-зеленую полоску, застиранный и поношенный. Мы подошли совсем близко, и я разглядела, как от дождевых капель на свитере расплываются пятнышки. Потом он поднял голову, я заглянула ему прямо в голубые глаза, и он улыбнулся – правда, лицо у него такое прыщавое, что тут никакая улыбка не поможет. Верхняя губа у него, как обычно, оттопыри- лась из-за снюса², и если его не знать, можно предположить, что у него всегда такое лицо. Ему, наверное, уже исполнилось двадцать восемь.

Патрик помахал мне рукой, и меня накрыла тошнота. Я отвернулась, опустила голову и юркнула в первый подвернувшийся магазин, ювелирный. И, едва оказавшись внутри, пожа- лела. Отступить не получится – здесь меня ждал тупик. Я подошла к стеллажу с украшениями, когда над дверью за моей спиной звякнул колокольчик: Патрик вошел в магазин следом за мной.

Первые воспоминания были радостными. Вот мы смеемся, он кружит меня по комнате, и мы оба падаем на пол. Вот он отрезает ломтики ветчины и сыра, подносит их к лицу и корчит мне рожи. Мои дошкольные воспоминания, когда та, кто назвала себя моей матерью, еще не стала пропадать по несколько месяцев неизвестно где. Воспоминания эти словно были завер- нуты в вату, а может, это моя голова превращалась от них в вату...

На смену радостным воспоминаниям пришли картинки из нашей повседневной жизни. О том, как Патрик не в силах был проснуться вовремя. Темноту в нашей комнате без окон прорезало жужжанье радио и безжизненный голос диктора. Радио жужжало до тех пор, пока Патрик не выдергивал шнур из розетки. Встав, я принималась трясти Патрика за плечо, а он отмахивался от меня. После я делала бутерброд, выпивала стакан шоколадного молока и шла в школу. Вечером, когда я возвращалась, Патрик лежал на диване, или гулял где-нибудь, или поджаривал для нас на кухне тосты с сыром. Дни превращались в один бесконечный день, а то, что мы делали или чего не делали, составляло нашу жизнь. Сопение Патрика, когда он щекотал меня, вечно работающий телевизор, а на разделочном столе – стаканы из-под молока и миски с присохшими ко дну остатками каши. Оставшиеся после Патрика ошметки зубной пасты на раковине, которые я размазывала пальцем. Нас все реже было трое и все чаще – двое.

Самые жуткие воспоминания пришли последними. Я замерла перед стеллажом с золо- тыми украшениями, и Патрик приблизился ко мне настолько, что я ощутила его запах. Вос- поминания эти совершенно невыносимые, и мне хотелось лишь, чтобы он ушел и они отсту- пили. Я смотрела на украшения, хотя они все равно были мне не по карману. Сама я ношу одно-единственное украшение – позолоченный ключик на цепочке. Я видела, как его отраже- ние поблескивает в стекле стеллажа, и видела, как Патрик поднял руку и дотронулся до моего ключика.

– Что, Сара, тебе тоже повесили ключ на шею и отправили гулять?

Меня точно током ударило. Я стряхнула его руку.

– Ну ты чего, Сара, – удивился он.

Я задержала на миг дыхание, стараясь унять тошноту.

– Меня зовут Лив, – сказала я, – а вас я не знаю.

² Снюс – разновидность жевательного табака.

Рye

Кристиансунн

Пятница, 18 августа 2017 года

Часы на мониторе показывали почти двенадцать. Я каждые четыре минуты смотрел на них, время от времени поглядывая в окно, где к причалу возвращался городской катер. Ветер швырял в стекло мелкие дождевые капельки. Когда я сюда приехал, вид на море приводил меня в восторг. Сейчас, глядя в окно, я думаю лишь, что Кристиансунн такой же унылый, как Олесунн, но вид из окна у меня лучше.

Я давно уже закончил протокол допроса девушки, сообщившей, что ее изнасиловали во сне, и теперь выверял формулировки. Разумеется, можно было бы пойти со всеми остальными на обед, а потом угоститься тортом, который испек наш датчанин, чтобы загладить очередной свой косяк. В бытность мою новичком мне такие торты нравились. И когда я явился на собеседование как соискатель этой должности в Кристиансунне, то притворился, будто мне они по-прежнему нравятся, но на самом деле я сказал так лишь ради того, чтобы вырваться из Олесунна. Когда ты больше не работаешь «в поле», а просиживаешь штаны в кабинете, такие «извиняльные» торты воспринимаются совсем иначе. Ты больше не печешь их, а только ешь, слушаешь рассказы и анализируешь, но сам никогда не участвуешь в событиях. Некоторые старики, давно перешедшие на офисную работу, тоже приносят такие торты, но это совсем уж глупость.

Я не пошел туда не потому, что больше не выхожу на оперативную работу. После случившегося я вообще людей с трудом переносу. Когда полицейские вместе лакомятся тортом, то непременно задают друг другу вопросы. Копаются в твоём прошлом, пытаются вынюхать, что происходит у тебя в голове. А я не собираюсь никому ничего рассказывать, ни слова о том, в чем они все равно не смыслят. Они думают, что подобрать ночью на улице «торчка» – это круто. И сокрушаются, если не удалось подкатить к какой-нибудь телочке. С такими невозможно говорить о том, каково это – потерять все, что для тебя хоть что-то значит, причем до того, как сам это осознал. Каково это – когда тебе пятьдесят пять, и с каждым годом ты отдаляешься от твоего ребенка все сильнее. Я опоздал. Все дальше в прошлое уходили воспоминания о людях, которых я не ценил, пока те были рядом, а в будущем меня ждет разве что смерть. Коллегам о таком не расскажешь – тогда я сразу заработаю репутацию мрачного зануды, угрюмо жующего торт. Нет, таким я из-за них не стану.

Единственное, что было в Олесунне и чего недостает мне тут, – это коллеги, знающие, где проходит моя внутренняя граница, которую нельзя нарушать. Когда я уезжал оттуда, то и не предполагал, что буду скучать. Сверре знает меня так давно, что пожелай я – и мы запросто восстановили бы былую дружбу; однако он меня и не теребит особо. Такого понимания со стороны других мне до сих пор не хватает.

В животе заурчало, но я решил дожидаться, когда народ в столовой разойдется. Чтобы убить время, заново включил видеозапись допроса девушки. Рассказывала она, наклонив голову и сложив руки на коленях. Из-за волос лица ее было не видно.

– Я его знала еще со школы. Он никогда прежде ко мне не лез, между нами ничего не было. В тот вечер, когда устроил тусу у себя дома, он ко мне вроде как полез, но не особо...

Дальше послышалось покашливание и мой собственный голос:

– Вы говорите, он к вам полез, – что именно он сделал?

Тишина.

– Он пытался говорить со мной про всякое... Интимное. И попытался меня поцеловать. Я не далась. Сказала, что не хочу, и тогда он отстал. Потом все вроде было в порядке. Он из

тех парней, кого не боишься. Когда я заснула рядом с ним, то вообще ничего не боялась... – Девушка заплакала.

Я припомнил, как пододвинул к ней коробку салфеток.

– Расскажите, что было потом.

– Я уснула, а когда проснулась, он уже за меня взялся. Точнее, начал, когда я спала...

Опять вмешался мой голос:

– Понимаю, это сложно, но постарайтесь, по возможности, быть поточнее. Вы говорите, он за вас взялся. Что вы под этим подразумеваете?

Помню, какие чувства охватывали меня, когда я только начал работать и видел, как плачут такие девушки. Помню, как ненавидел насильника или насильников. Порой ради таких девушек я готов был на большее, чем ради моей собственной дочери. Считал, что они нуждаются во мне, ведь им столько пришлось пережить. Сейчас же сочувствие глохнет на полпути. У меня нет на него сил – я боюсь, что иначе просто спячу.

Я остановил видеозапись, оборвав девушку на полуслове. Взглянул на опущенную девичью голову. Вспомнил, как Малышка бежала по дороге к дому, где мы жили, когда были семьей. Как же она радовалась, увидев меня! Сердце тяжело заколотилось, я отогнал воспоминания и свернул видео.

Полицейские возвращались назад, в кабинеты и в дежурный отдел, а я шел в противоположном направлении. Вскоре коллег у меня поубавится. Через несколько недель дежурный отдел переводят в Олесунн. Из Кристиансунна все уезжают. Только я один и приехал.

На лестнице я нагнулся завязать шнурки. Прислушался к гулу голосов, похожему на пчелиное жужжание. Меня тут хватит ненадолго, но и выбора никакого нет. Я выпрямился и решил пробежать оставшиеся ступеньки быстрее, хотя на меня никто не смотрел. Помимо восковых кукол, одетых в полицейскую форму старого образца. Глупо, что я все еще называю ее Малышкой, да только ведь она для меня такой навсегда и останется – моей Малышкой...

Из столовой вышла Бирта с бутылкой минералки. Лицо у нее такое веснушчатое, что смахивает на карту, а через обтянутое форменной рубахой плечо перекинута рыжая косичка. Когда я подошел ближе, Бирта подняла руку в приветствии. Они тут вообще то и дело приветствуют друг дружку. Это утомляет. Уже совсем возле двери я услышал громкий, режущий ухо смех за моей спиной. Обернулся и увидел датчанина: напялив старую униформу и парик, тот притворился восковой куклой, а теперь едва не лопался от смеха. Бирта опустила на ступеньки и вытирала выступившие от смеха слезы. Идиотизм, да, но я поймал себя на мысли, что всего несколько секунд назад и сам прошел мимо датчанина, однако тот не двинулся с места, видимо, решив напугать кого-нибудь другого.

В гостиной по-прежнему сидели небольшие группки полицейских, тех, кто любит засиживаться за обедом подольше. Еда меня особо не привлекала, и все же я взял куриный салат, захватил газету и уселся за столик возле окна. На первой странице «Тиденс крав» сегодня Магне Хусе³, помогающий Кристиансунну остаться в классе «А». Я долистал до интервью с ним. Вообще-то мне плевать, какое у Кристиансунна будущее в футболе, но хоть не про экономику и не про больницы. Впрочем, я ошибся. Даже у Хусе имеется мнение об общей больнице, на строительство которой уйдет четыреста пятьдесят миллионов крон. Неделию назад Кристиансунн проиграл апелляцию по делу о больнице. Ее построят в Молде.

Набравшись терпения, я подцепил вилкой кусок курицы и уже открыл было рот, как краем глаза заметил, что ко мне кто-то направляется.

– Так вот он где!

На Осмунде был коричневато-серый джемпер, смехотворно гармонирующий с седыми волосами. Мне не хочется, чтобы нас видели вместе, но до Осмунда это все никак не дойдет.

³ Норвежский футболист и тренер.

А ведь когда он рядом, серебряные нити у меня в волосах тоже делаются заметнее. Придется мне теперь выслушивать разговоры о том, как он ходил по школам и проводил беседы среди подростков.

– Как дела, Осмунд?

Он вздохнул и поставил поднос на стол.

– Чем дольше я тут работаю, тем больше убеждаюсь, что грядущее поколение безнадежно.

– По крайней мере, ты с половыми преступлениями не работаешь. Пьяная драка или кража со взломом – это по мне. А вот хуже половых преступлений ничего нет.

Хуже всего в Осмунде то, что на самом деле мы с ним неплохо ладим. И это меня угнетает.

– Говорят, Руе, что такие дела тебе хорошо даются. Мы тут пока торт ели, я перекинулся парой слов с народом. Они сказали, что ты прямо-таки мастер допросов.

Неудивительно, что они разговаривали обо мне, однако Осмунд явно чего-то недоговаривает. Там дальше должно быть «но».

Осмунд принялся рассказывать о каком-то тринадцатилетнем подростке, которому он пытается помочь. Нить разговора я быстро потерял – сидел, разглядывал салат и раздумывал, не съесть ли еще чуть-чуть. Подцепил вилкой чуть-чуть бледной курятины в соусе, цветом напоминающем горчичный.

– Руе! – окликнула меня Бирта, остановившись на пороге. На этот раз ее веснушчатое лицо было серьезным. – Собрание. Срочно, в переговорной.

Она словно постарела лет на десять. Судя по ней, дело серьезное. Как раз то, что мне сейчас и надо. Чтобы что-нибудь случилось. К тому же я все равно не голоден. Я встал и, взяв в обе руки салат и газету, подошел к контейнеру для мусора и выбросил туда и то и другое, да так, что пластиковая тарелка треснула.

Мы резво побежали по лестнице на четвертый этаж и остановились перед дверью в переговорную. Бирта махнула рукой, пропуская меня вперед. Я обернулся и увидел Осмунда – он стоял на лестнице и смотрел на нас. Когда я ухватился за ручку двери, мне вдруг стало дурно.

В полутемной переговорной было полно народу, и все они молча смотрели на меня. А потом вдруг раздался грохот, и в воздух полетело цветное конфетти. На стене загорелись буквы: «Руйе – пятьдесят пять!» – и все присутствующие хором затянули поздравительную песенку. Они пели, кивали, раскачивались и приплясывали. Как же я сразу не догадался? Эти твари решили ударить побольнее...

Лив

Олесунн

Четверг, 28 августа 2003 года

– Нет-нет-нет-нет-нет-нет-нет!

Машина на экране съехала с дороги и, врезавшись в стену, перевернулась. Эгиль выругался и швырнул пульт прямо в подставку статуэтки с ангелом, стоявшей посреди комнаты Ингвара.

– Ты чего это? – ухмыльнулся Ингвар. Отбросил длинные темные волосы и элегантно довел свой автомобиль до финишной черты. – Какой ты у нас горячий...

– Ничего, если Эгиль расколотит этот «Икс-бокс», его папа нам новый купит, – сказала я. – Так что давай, Эгиль, не стесняйся.

– Заткнись! – огрызнулся он.

Мы дразнились и переругивались, но по-доброму. Эти ребята мне поэтому и нравились – с ними можно было ругаться и браниться, и это считалось совершенно нормальным. Таким тоном ругают только тех, кого любят, и мы знали, что никого не обидим, не перегнем палку, не рассоримся, не поцапаемся, зато обстановка разрядится.

Эгиль плюхнулся рядом со мной на диван и поправил бежевую футболку «Лакост», разумеется, облегающую – не зря же он часами пропадал в тренажерке. Эгиль был до отвращения хорошо сложен, в нем все было правильно – ширина плеч, подбородок, скулы, нос, лоб и слегка сросшиеся брови. Многие девчонки убеждают себя, будто им именно такой парень и нужен, потому что, по их мнению, этого хотят и все остальные вокруг. Девушки, словно сошедшие с картинки, полагают, что им тоже нужна картинка. А Эгиль пользовался этим на полную катушку. И только я знала, что внутри он и впрямь хороший.

Я подняла руку, с которой свесился Неро. Его чешуйчатое тело потянулось к батарее под окном. Эгиль забрал у меня змею, а я уселась на пол рядом с Ингваром и взяла пульт. Ингвар запустил игру заново, и машины приготовились к гонке – мой белый «Ягуар», черный «Ламборгини» Ингвара и еще две прикольные тачки. Комнату заполнил рев четырех двигателей. Несколько девушек в коротких серых юбках встали рядом и приготовились дать команду на старт. Наконец мы рванули с места. Гоняя по темным улицам, я так увлеклась, что и сама наклонялась то в одну сторону, то в другую. Вот я резко повернула, бампер задел ограждение, и я лишилась дополнительных очков. Вскоре Ингвар вырвался вперед. Изящно скользя по асфальту, он заехал на вершину холма и хладнокровно спикировал вниз, прямо к следующему повороту. Я отвлеклась, наблюдая за ним, врезалась прямо в «Опель» с красными полосками на крыльях, и обе машины вышли из-под контроля. Эгиль рассмеялся – громко и, по обыкновению, ехидно, похоже, забыв, что всего несколько минут назад и сам был на моем месте. Я снова привела автомобиль в движение, объехала «Опель» и двинулась к повороту, в который отлично вписалась, – вот только тотчас же поняла, что заехала не туда. Я снова плелась в хвосте. Вздыхнув, я съехала на обочину и припарковалась.

– Все с тобой ясно, Ингвар. Ты весь день лишь этим и занимаешься, только болтаешь, что музыку пишешь, – сказала я.

Ингвар показал мне средний палец, а на экране загорелось «Игра окончена».

– Завидуете, – ответил он, – потому что я круче вас.

– Тратить жизнь на всякую херню – в этом ты явно круче нас, ага, – не растерялся Эгиль.

Ингвар молча поехал дальше. Я пересела на кровать к Эгилю, а Ингвар продолжал набирать очки.

– Ты же в субботу с нами? – спросил Эгиль.

Он попытался уложить Неро на руку, как кошку, но питон, похоже, не понимал, зачем ему это. Он сполз на кровать, свернулся в клубок и положил сверху голову. От природы спокойный, Неро редко двигался и, бывало, по несколько часов лежал в одном положении. Берег силы для следующей охоты.

– Я на мели, – ответила я, – на бухло не хватит.

Эгиль фыркнул.

– Да ты ж все равно за мой счет пьешь.

– Мне и не хочется.

Эгиль смотрел на меня.

– Я бы лучше в выходные позанималась, – продолжила я, – честно. Лягу пораньше и все воскресенье просижу за книжкой. Уж приятнее, чем похмельем маяться и себя ненавидеть.

Брови у Эгиля поползли вверх.

– Ты ж все равно диплом медсестры получишь. Одной вечеринкой больше – одной меньше... Давай, пошли, будет круто, не как в прошлый раз.

Эгиль, судя по всему, больше, чем я, помнил о той ночи с субботы на воскресенье. Не надо было мне рассказывать им о Патрике, но после той встречи с ним я никак не могла избавиться от воспоминаний.

– Ты, как выпьешь, сразу повеселеешь, – уговаривал Эгиль.

В прошлую субботу, когда вернулась домой и стала готовиться к вечеринке, я тоже так думала. Больше всего на свете мне хотелось спрятаться под одеяло и трястись от страха. Однако вместо этого я решила от души повеселиться; убеждала себя, что стоит мне выпить, как я развеселюсь. Ничего не вышло. Что именно я рассказала, не помню, но совершенно точно наговорила лишнего. Я и не знала, что Ингвар знаком с Патриком.

Эгиль огорченно смотрел на меня, ожидая ответа, и явно не собирался мириться с отказом. Я вздохнула.

– Ладно, шучу. Ясное дело, я с вами.

Указательным пальцем я провела по узким светлым полоскам на голове у Неро, прямо над затылком. Если смотреть на его голову сверху, то узор напоминает стрелу: широкая белая полоса снизу заканчивается темным острием, указывающим на морду и рот. В последние месяцы я постоянно разглядывала его голову и эту удивительную стрелку.

– Какой же красавец, – сказала я, – просто невероятно.

– А как же, – Эгиль усмехнулся. – Только смотри, не захвали меня.

– Ты посмотри на это тело.

За неделю до этого питон сменил кожу. Я стала свидетелем линьки, начиная с того момента, как его кожа и черные глаза приобрели сероватый налет, и заканчивая тем, как он принялся тереться о ножки кровати, сбрасывая хрустящую серо-белую оболочку. Оказавшаяся под ней молодая кожа ярко блестела. В прежние времена люди считали змей бессмертными. Они видели, как те раз за разом заново рождаются из собственной кожи. Его старая кожа теперь висела на люстре у меня в комнате. Мне хотелось сохранить каждый его образ – всех тех змей, в обличье которых он побывал.

– А может, выпустим питона во время тусы? – подмигнул Эгиль.

Я посмотрела на него.

– Ну ладно, давай когда после тусы догоняться будем...

Я покачала головой.

– Мы же полицейских не пригласим. Только свой народ будет, крутой и проверенный. Если питон напугается, посадим его обратно. Да все отлично пройдет!

– Пока он не укусит кого-нибудь из девчонок и та не позвонит мамаше.

– Я прослежу. Предупрежу всех, чтобы не пугали его.

– Эгиль, тема закрыта.

– Это не только твой питон. Ингвар, что скажешь?

Ингвар уже давно выключил «Икс-бокс» и выбирал, какую музыку поставить. «Электрик уизард» – их *Dopethrone*, его любимый альбом. Он зашевелил губами, повторяя слова вступления к первой композиции: «*When you get into one of these groups, there's only a couple of ways to get out. One is death, the other is mental institutions*»⁴. Колонки выдали гитарный проигрыш, а Ингвар плюхнулся рядом со мной на кровать. На нем была старая футболка с изображением какой-то группы, но такая застиранная, что картинка совсем стерлась. А в руке Ингвар держал книгу.

– Знаешь, что мне сегодня в голову пришло? – Он взмахнул книгой.

– «Алиса в Стране чудес»? – удивилась я. – За детские книжки взялся, да, Ингвар? Я думала, ты только русских классиков читаешь...

– Это тоже классика, – ответил Ингвар. – Как вы думаете, кем бы вы были в «Алисе в Стране чудес»?

Эгиль расхохотался.

– Кем бы ты был, Ингвар, и ежу понятно. Тем обдолбанным червяком, который сидит на грибе.

Ингвар отмахнулся:

– Он все время обдолбанный, а я – раз в неделю, не чаще.

– По нашим меркам, это довольно часто, – сказал Эгиль. – И вообще, откуда нам знать, чем ты занимаешься, пока мы учимся?

– Это все вранье; к тому же мои таблетки – это лекарство, – возразил Ингвар.

Он страдал эпилепсией. Приступы у него случались нечасто, однако Ингвар всегда был на чеку и выпивал редко. Мы договорились, что если он, оставшись дома в одиночестве, позвонит кому-то из нас, но будет молчать, значит, у него приступ и надо со всех ног броситься к нему. Однако пока приступы случались только в нашем присутствии.

Эгиль ухмыльнулся.

– А трава-то как же, Ингвар? Ее способность излечивать эпилепсию не доказана. Если ты торчок, то и оправдываться нечего.

– С Эгилем тоже все просто, – встряла я, – он – чокнутый Шляпник. Твоя жизнь – это вечный бессмысленный праздник.

– Да ты охренела, – возмутился Эгиль. – Ты, как напьешься, намного чокнутее. А Лив тогда кто? Как думаешь, Ингвар? Чеширский Кот?

– Могла бы быть и Котом, – Ингвар поднял указательный палец, – или Алисой, такое я тоже допускаю. Но у меня и получше кандидатура есть. Лив – Королева Червей.

– Потому что я вами рулю?

– И это тоже. И еще ты королева тусычей. Но еще королева червей – главный персонаж во всей книжке. Она привносит в сюжет опасность. Без нее и истории не было бы.

– Чего-то я не понимаю. Это я, что ли, опасная?

– Я тоже не вкуриваю, Ингвар.

– Ну вы сами подумайте. Кто потащил нас тогда в феврале купаться в море? Кто полез в темноте на Сахарную голову, да еще и спяну? Кто подбил всех пролезть через кусты в сад к каким-то богачам и спереть вот это? – Ингвар показал на статую ангела.

Таких пухлых ангелочков ставят повсюду. Но этот позеленел от старости, да и чайки его порядком загадили, поэтому миленьким его не назовешь. Я окрестила его Вельзевулом.

– Помню, на втором этаже загорелся свет, – сказал Эгиль, – и ты как рванешь! Как бешеная, да еще и ангела поперла.

– Вот именно, – поддакнул Ингвар, – если б не Лив, нам и вспомнить нечего было бы. Жизнь превратилась бы в вечную нелепую игру с часами и чашками.

⁴ «Когда попадаешь в одну из этих компаний, выходов остается немного: либо смерть, либо дурка» (англ.).

Я покачала головой.

– Для укурка, Ингвар, ты слишком умный.

– Да никакой я не укуроч!

– Из нас троих Лив единственная закончит свои дни в тюрьме, – сказал Эгиль, – готов поспорить.

– Поживешь – и увидишь, как ошибся, – рассмеялась я.

– Тогда договорились, – нашелся Эгиль, – считай, что Ингвар тебя уговорил. Неро будет тусить с нами.

– Я согласен с Лив, – сказал Ингвар, – питон кого-нибудь укусит или попытается удушить.

Я против.

Телефон у меня зазвонил. Номер на дисплее высветился незнакомый.

– Алло? – Голос ее хрипел – видимо, из-за курения.

– Так это ты... – Я встала, вышла в коридор, украшенный вышивками, которыми владелец квартиры обзавелся в далекой юности, и направилась в ванную. Мне почудился сильный запах духов.

– Сара? Это ты? – Она показалась мне взволнованной.

Я опустила стульчак и, представив стареющее женское лицо, сняла брюки и уселась на унитаз.

– Лив. – Натужилась и пустила струю.

В трубке замолчали, а я крепко прижала телефон к уху и окинула взглядом батарею покрытых пылью бутылочек с мылом и духами, бритвенные станки и другие средства для наведения мужской красоты, а еще рассыпанный стиральный порошок, резинки для волос, остриженные ногти и теннисный носок. Мои умывальные принадлежности я хранила у себя в комнате, и приносила в ванную, только когда собиралась принять душ.

– Это мама.

Судя по звуку, она затянулась сигаретой. Я вытерлась и спустила воду. Унитаз наполовину заполнился водой, которая тут же ушла, проглотив и туалетную бумагу. Я вымыла горячей водой руки.

– Алло? – проговорила женщина в трубке. – Патрик сказал, что на выходных видел тебя в городе... – Голос у нее сорвался.

Я вытерла руки. Представила, каково было бы, будь у меня на пальцах змеиная кожа. Ведь моя, человеческая, такая тонкая и уязвимая...

– Сара, мне ужасно жаль.

Ее вранье просочилось мне внутрь, точно своего рода растворитель. Из зеркала смотрело мое бледное в резком свете лампы отражение. Я дернула золотую цепочку на шее, вытащила из-под джемпера позолоченный ключик и погладила зазубренный край. Чтобы прервать поток слов в телефоне, кашлянула.

– Вы ошиблись номером, – сказала я, – это Лив. Не Сара.

– Как у тебя дела, солнышко?

– Вы, кажется, не поняли, – я заговорила громче, – я вас не знаю.

Стиснула в кулаке ключик, силясь отогнать подальше ее запах и голос.

– Может, снова начнем общаться?

Я дала отбой. Последние слова повисли в воздухе. Оставив телефон на раковине, я вернулась в комнату. Эгиль с Ингваром вопросительно посмотрели на меня.

– В последнее время то и дело номером ошибаются, – сказала я.

Приподняла Неро и взглядела в глубокие щели на морде, позволяющие ему видеть инфракрасное излучение. Он «видит» наше тепло. Интересно, как оно выглядит?

Неро приоткрыл пасть и зашипел. Эгиль с Ингваром отшатнулись, а вот я не испугалась. Ничего он мне не сделает. Однако я прислушалась. Попыталась разобрать его речь. Может,

хоть слово пойму? Если продрагаться через все эти «сссс» и «ххх», забыть про алфавит, то, возможно, я пойму его? Губ у него нет; как тогда звучало бы его «м»? Каким получится «т», вышедшее из-под его раздвоенного языка, и «г», если учесть, что голосовых связок у него тоже не имеется? Его слова будут не похожи на человеческие, значит, он говорит на своем языке.

Кажется, мне снилось сегодня что-то подобное... Будто я, объятая пламенем, лежу в кровати и слышу собственный шепот. Или это было его шипенье? Вот только я забыла, что он говорил.

– Надо бы покормить его живыми мышами, – предложила я. – Это более естественно, верно ведь?

Мариам

Кристиансунн

Пятница, 18 августа 2017 года

На лобовое стекло налипли дохлые мошки. Я включила «дворники», и мошек размазало по стеклу, так что от них остались лишь буроватые полосы. Я давила на газ, оставляя позади дорогу, запирая себя в вечном движении. На приборной доске лежала стопка счетов, ведь я – ходячее и вечное противоборство с самой собой. Дома приучаю всех к порядку, а сама собственным правилам не следую. Я помыла лобовое стекло. И прибавила газу. Можно доехать до самого Тронхейма, заночевать там, а завтра отправиться дальше. Когда Тур спохватится и объявит меня в розыск, я уже буду далеко.

Телефон – мой или Ибен – снова зазвонил. Тур то и дело названивает. Представляет небось, что женушка свалила к любовнику, и боится, что я испорчу ему картинку: все решат, будто политик Тур Линд и его жена с обложки разбегаются.

Телефон умолк. Я катила по бегущей по зеленым полям дороге. Фьорд прятался за домами и деревьями, но постоянно оставался рядом. Его холодные волны следят за мной, выжидая удобного момента, чтобы совершить нападение. Как же я устала от фьордов и гор! Будь вокруг джунгли и саванны, я и от них, наверное, устала бы. О мире мне известно не особо много, но здесь мое сердце в плену, это я точно знаю. Знаю, что мало смотреть на горизонт и видеть там море. Мне хочется исчезнуть.

Заехав на паром, я прикрыла глаза. Телефон снова зажужжал, на этот раз другой телефон. Этот жужжит приглушенно, словно завернут во что-то плотное. Почему он названивает, если ему все равно не отвечают? Я откусила багет, который купила на заправке. На вкус как и все остальное, разогретое в вакуумной упаковке. Я подумала, что всё на свете – тлен, положила багет на пассажирское сиденье и уставилась в закрытую дверь парома, дожидаясь, когда та откроется. И откроет передо мной иной мир.

Чем дальше я ехала по Южному Трёнделагу, тем сильнее менялась природа. Фьордов стало меньше, а леса – больше. Слева выросла гладкая скала – горы тут явно взрывали, освобождая дорогу для людей. В сумке снова зажужжал телефон. Я прибавила скорость, ощущая, как на поворотах автомобиль напрягает свои железные мышцы.

Каково это – взять и бросить все? Нет, невозможно. Это значит не только бросить компанию, на создание которой ушли годы, не только дом, мужа, вообще всю мою жизнь. Ведь придется потребовать, чтобы Ибен жила со мной, – значит, я стану матерью-одиночкой? Во многих отношениях она скорей его ребенок, а не мой, и забрать ее у меня не получится. Значит, это я от них отдаюсь. Я для них обуза, я тяну их вниз. Без меня им будет лучше.

Впереди блеснул еще один фьорд; я свернула в автобусный «карман» и вдавила тормоз в пол. Заглушила двигатель, положила руки на колени. Некоторые женщины бросают детей. Таких женщин никто не понимает. Мол, как они могли? Мне тоже этого хочется – взять и исчезнуть, будто пылинка в воздухе, – однако я чувствую, что это невозможно. При мысли о том, как я исчезну и никогда больше не увижу моего ребенка, мне сделалось больно. Я представила, как Ибен, уткнувшись в книгу, заправляет за ухо прядь волос, и меня захлестнуло тепло. Все же она моя дочь.

Я вышла из машины, заперла ее, хотя рядом не было ни души, перешла дорогу и зашагала вниз, к фьорду. Тишину здесь нарушало лишь редкое карканье ворон. Я наклонилась и сунула в воду руку. Пальцы тотчас же заledenели. Я огляделась. Мимо промчалась машина. Я сбросила туфли, задрала юбку, стянула колготки и оставила их на земле, похожей на панцирь какого-то моллюска. Вошла в воду. Ступни и лодыжки сковал холод. Так далеко на севере я уже много лет не купалась. А вот Тур и Ибен непременно спешат купаться, едва солнце выглянет и ветер

потеплеет настолько, чтобы Тур не слишком задубел в плавках. Я и забыла, как это приятно, когда холодная вода покалывает ступни. Подтянула вверх юбку и зашла дальше, следя, чтобы не намочить трусы. И замерла, глядя на неподвижную воду.

Вот бы избавиться от времени, от привязки к месту, от всей этой бессмысленной физики... Не дом держит меня в плену. Не город и не семья – меня держит тело. Если я исчезну в этой темной воде, сколько времени пройдет, прежде чем меня найдут? Нет, храбрости у меня не хватит, я не всерьез. Что-то останавливает меня, какая-то сила противодействует мне...

Я развернулась и пошла обратно, однако шагала слишком быстро, поэтому и трусы, и юбка намокли, а холод от них расползлся по коже. Наверняка заработаю себе воспаление мочевыводящих путей. Выйдя на берег, я уселась на траву и посмотрела на фьорд. По недавно выстиранной юбке расползались пятна от мокрой земли; впрочем, какая разница?

В голове у меня всплыло старое воспоминание, и теперь оно воздушным пузырьком покачивалось на поверхности, не желая лопаться. Так мне не убежать. Ничего не выйдет. То, от чего я убегаю, все равно останется со мной.

Я встала и, держа в руках туфли и колготки, двинулась к машине. Ноги непривычно ступали по асфальту, камушки впивались в подошву. Отряхнув их, я уселась за руль, отыскала в сумке телефон, но сперва дождалась, когда тот смолкнет, потому что он опять звонил. Я несправедлива к Туру. Ведь знаю же, что я для него намного больше, чем просто смазливая женушка. Прослушивать бесчисленные сообщения на автоответчике не хотелось, и я просто выключила телефоны – и свой, и Ибен. А потом поехала домой.

* * *

Остановившись перед домом, я некоторое время сидела в машине и разглядывала дом. Шаблонный, обыкновенный. Занавески на окнах я выбирала с тем расчетом, чтобы они не бросались в глаза. Туи в живой изгороди острижены так, как обычно стригут туи. Ворота недавно покрасили, садовая мебель новая и чистая. Никто из прохожих не заметит ни следа упадка и запустения. Это внутри мы гнием и зарастаем пылью.

Когда чувства берут надо мной верх, я нахожу спасение в одной фантазии, которая часто помогает мне уснуть. Я представляю, как убираю из дома мебель, одежду, игрушки и другие вещи – те, что за все эти годы успели заполнить дом. Представляю, как все это загружается в грузовик и как он уезжает. Затем я наливаю воду, беру швабру, тряпку и моющие средства. Начинаю с комнаты Ибен, из дальнего угла до двери, а оттуда перехожу в нашу с Туром спальню. Не жалея времени и сил, драю ванную на втором этаже, в которой мы чаще всего моемся. Закончив со вторым этажом, привожу в порядок лестницу, дальше прохожусь по гостиной, кухне, ванной и туалету на первом этаже, а еще по просторной кладовке, где у нас хранится всякое барахло. Под конец отмываю коридор, наводя в нем такую чистоту, какая была там, когда мы только въехали. Сверкающая люстра, белые половички на каждой ступеньке. Добравшись до крыльца, я встаю перед закрытой дверью, на которой не осталось ни следа нашего пребывания в доме. Ни единой бактерии, ни волосинки. Ритуал этот долгий, и я способна растягивать его до бесконечности. Он приносит мне покой.

Я медленно открыла дверцу машины и продолжала сидеть, глядя перед собой и будто дожидаясь чего-то. Наверное, как что-нибудь упадет с неба и изменит мою жизнь. В салон попадали капли дождя, но я и так уже вымокла.

Выйдя наконец из машины, я встала на цыпочки и заглянула в окно гостиной. Похоже, телевизор выключен. Сейчас уже так поздно, что Ибен, похоже, легла спать, а Тур только рад не слушать бормотанье телевизора. Будь его воля, он включал бы телевизор только во время выпусков новостей.

– Все ради тебя, доченька, – говорит он, когда она сидит перед телевизором, и гладит ее по светлым волосам.

Тур всегда был ей хорошим отцом. Разумным, но терпеливым. Это терпение – будто теплый карман, в котором сидит его маленькая семья.

Вообще-то странно, что он мне сегодня столько раз звонил. Прежде, когда я отправлялась проветриться, Тур такое не вытворял. Даже в тот раз, когда я переночевала в кемпинге, а домой вернулась лишь наутро. Опыт подсказывал ему, что я вернусь. И все, что от него требуется, – это включить свое обычное терпеливое «я» и ждать.

На входной двери висит табличка, которую Ибен смастерила в школе. Три улыбающиеся рожицы – двое взрослых и одна детская – и наши имена, выведенные по-детски квадратными буквами. Возле рожиц – большое дерево. Его Ибен наверняка помогла нарисовать учительница. «Семья Линд». Я погладила табличку. Мне очень хотелось бы понять тех матерей, которые говорят, что ради своего ребенка готовы на всё. Я и сама нередко это повторяю, вот только не сказать, чтобы искренне. Маленькие пузырьки любви никуда не делись: гордость за то, что ей многое удастся, тревога, когда Ибен болеет... А вот более глубокой связи нет. Готова ли я ради нее броситься под поезд или выйти на медведя? Не уверена.

Похоже, Ибен сама убрала свою обувь – надо же, впервые! Возможно, она все же прислушалась к моим словам, все-таки девочка уже взрослая. Я улыбнулась и открыла шкаф, но обуви так не обнаружила. Куртки на крючке не было, на стуле она не валялась, и на подставке для обуви, куда Ибен клала куртку, когда была маленькой, ее тоже не было. Неужто она так разозлилась, что прошла в свою комнату не раздеваясь? Тур сидел на кухне. Когда я вошла, он поднял голову и посмотрел на меня. Телефон лежал рядом с ним на разделочном столе. Перед Туром стояла пустая чашка из-под кофе. Вид у него был встревоженный. Кожа будто посерела, на лбу залегли глубокие морщины. Я посмотрела в его голубые глаза и на глубокие залысины, которые самому ему не нравятся, хотя они, пожалуй, его красят. На Туре были чуть великоватые ему очки, которые он надевает, когда не находит своих любимых очков. Внутри у меня вдруг потеплело. Славный у меня муж; как мне вообще в голову пришло его бросить?

– Вы где были? – Тур поднялся.

Я взглянула на чистый разделочный стол. Вспомнила про оставленную в машине еду. Посмотрела на стул, где обычно сидит Ибен. На подоконник, куда она по вечерам кладет телефон, пока тот заряжается. Вот только сейчас ее телефон у меня.

– Вы? – Голос у меня превратился в писк, и сказать больше ничего не получалось.

На лице у Тура мелькнула тревога. Я развернулась и бросилась в коридор, а оттуда, перебежав через ступеньку, – к комнате Ибен, где на двери висела табличка: «Прежде чем войти, стучись!» Ибен повесила ее, когда ей было шесть. Не обращая внимания на табличку, я ворвалась внутрь и уже набрала в легкие побольше воздуха, чтобы закричать, отругать ее. Застеленная кровать оказалась пуста, и стул возле письменного стола – тоже. Я побежала обратно, вниз, и перед дверью гостиной замерла, чувствуя, как разливается по телу адреналин. Хотя Ибен ведь только того и надо – напугать меня; наверняка сидит в гостиной и смеется надо мной... Я ухватилась за ручку и рывком распахнула дверь.

Гостиная была залита приглушенным вечерним светом. Я окинула взглядом диван, большой обеденный стол и пустой стул в углу, развернулась и кинулась в ванную, однако и там никого не оказалось. Вспомнив, что забыла заглянуть в ванную на втором этаже, я снова побежала наверх проверить.

– Что происходит? – послышался снизу голос Тура.

Я впечатывала каблук в пол так, что стены дрожали. Проверив в нашей с Туром спальне и возвращаясь вниз, едва не свалилась с лестницы, а потом распахнула дверь в большую захламленную комнату и бездумно уставилась внутрь. Затем вернулась на кухню.

– Ибен что, вышла куда-то? – Я силилась говорить беззаботно, но голос меня не слушался.

Тур смотрел на меня – мышцы у него на шее напряглись, глаза вытаращены. Да ведь он сердится. А если Тур сердится, значит, дело серьезное.

– Ты что, не знаешь, где Ибен?

Осознание пришло ко мне одновременно с его словами. Часы на микроволновке показывали 22:23. Торговый центр закрылся несколько часов назад. Где моя дочь, я не знала.

Лив

Олесунн

Пятница, 29 августа 2003 года

Мы обступили мою кровать. Словно у алтаря собрались. Эгиль с Ингваром встали с двух сторон, но ближе к изголовью. На кровати мы расстелили большую белую простыню, края которой Ингвар и Эгиль чуть приподняли. По простыне бегала маленькая бело-бурая мышка. Перебирая лапками, она скользила по ткани. Склонившись вперед, Эгиль цокал языком.

Я держала в руках Неро. Подняв голову, он быстро высовывал язычок. Я по-турецки уселась на подушку и, положив питона к себе на колени, опустила простыню. Неро высунул язык – почуял добычу. Чешуйчатое тело сдвинулось с места, гладко заскользило сперва к моим голым ступням, а оттуда – к простыне.

Сегодня ночью меня разбудил какой-то звук, похожий на шепот ветра. Едва слышный, но все равно навязчивый, словно зуд. В такую светлую ночь непонятно, два сейчас часа или шесть. Я посмотрела на телефон. Пять минут пятого. Звук, хоть и слабый, никуда не делся. Этот звук был полон запахов, полон сновидений. Я свесила голову с кровати и заглянула прямо в неподвижные глаза Неро. Он, свернувшись, лежал на ковре. На миг мне почудилось, будто звук стих, но тут же зазвучал снова. Такой тихий, он словно всю жизнь рядом был, а может, его никогда не существовало... Звук издавала змея. Я легла на пол, закрыла глаза и прислушалась. Мне казалось, будто в воздухе между нами появилось нечто осязаемое. Связь. А после я услышала первое слово. Голос был древним, он как будто звучал из-под слоя пыли. Когда я услышала его, то подумала, что он давно уже пытается сказать мне это. Нечто очевидное, хотя умещалось в одно-единственное слово. «Славная». Меня бросило в жар. Я подобралась поближе к нему и прошептала:

– Ты тоже славный, Неро.

Снова послышалось шипение, а затем еще одно слово:

«Лив».

Я и не думала, что в мире найдется живое существо, способное сделать меня счастливой. Я была уверена – мне вечно придется носить в себе это одиночество. Ночью, лежа на полу рядом с Неро, после того как он прошептал мне свои первые слова, я ощущала, как по венам растекается счастье, как оно наполняет каждый палец, затапливает сердце. Неро словно отыскал путь ко мне внутрь. Следующее слово, которое я услышала, было пожеланием. «Охота». Его уже давно не кормили, а дохлые мыши, к которым мы привязывали веревочку, радости ему не приносили. Ему не доставало охоты. Такова его сущность.

Утром я проснулась на полу одна. Попыталась встать – и тут же ударила головой о кровать. На секунду испугалась, что Неро покинул меня, отыскал дорогу к двери и сбежал. Но потом я обнаружила, что он свисает со стоящего на подоконнике цветка. В лучах утреннего солнца кожа его поблескивала. Я в очередной раз пришла в восхищение от способности его тела принимать такое положение. Он одновременно отдыхал и сохранял напряжение, для того чтобы не утратить равновесие. Я легла на кровать. Попыталась свернуться в клубок, насколько позволял позвоночник, потом вытянулась и перекатилась с боку на бок, прижав руки к телу. Другому человеку со стороны могло показаться, будто у меня приступ какого-то заболевания. Неро же смотрел на меня и прекрасно понимал, зачем я это делаю. Что я ищу точки соприкосновения между нами, стараюсь сблизиться с ним.

И вот мышь бегала по белому пространству простыни. Ее маленькие лапки скользили и царапались. Она силилась взобраться наверх с разных сторон, но каждый раз сползала вниз. Может, забывала о своих неудачах, а может, не сдавалась, потому что не видела других возможностей. Вскоре на простыне не осталось мест, куда она не попробовала бы забраться. Белое

пространство медленно заполняла змея. Неро приближался. В мире мыши он был тенью, которой прежде вроде как не существовало, но которая при этом всегда маячила где-то на мышином небе.

В следующую секунду бело-бурое животное стало добычей. Мышь забилась, стараясь вырваться, потом замерла и опять принялась вырваться. Из ее крохотного рта слышался отчаянный писк. Неро крепко сжимал мышь, пока та не прекратила биться. Белая простыня окрасилась кровью. Внутри у меня защекоotalo – в груди, в животе и ниже. Эгиль выпустил из легких воздух – долго, со свистом. А питон осторожно стискивал дохлую мышь в кольцо своего тела.

– Полный зашквар, – прошептал Эгиль.

Больше никто из нас ничего не говорил. Неро продолжал сжимать все сильнее и сильнее. Ему, похоже, это давалось без труда. Тело его напряглось, но казалось спокойным. А затем его морда начала меняться. Рот, словно заулыбавшись, раздался в ширину. Огромная пасть раскрылась, кожа в уголках рта растянулась, точно мягкая ткань. Неро обхватил ртом добычу. Из змеиного рта торчала белая шерсть. Коричнево-бежевая голова питона сделалась плоской и широкой, и по мере того, как он глотал, улыбка ширилась. Во рту виднелись лишь пара розовых лапок и хвост, но вскоре и они исчезли внутри. Эгиль с Ингваром отпустили простыню и, не сказав ни слова, отступили.

На змеином теле, длинном и блестящем, появилось едва заметное уплотнение. Я вытянула руку и бережно погладила его. Интересно, каково оно, оказаться там, внутри... Наверное, тепло. А еще, возможно, мокро и тесно, как в матке.

Мемуары рептилии

Это знание просто пришло ко мне однажды: мой маленький мир спрятан в тонкую белую скорлупу, которую я могу расколоть. Надо упереться головой в белую оболочку, но сперва осторожно, чтобы проверить этот липкий материал на прочность. Потом – сильнее, пока скорлупа не поддастся. Из проделанного отверстия потянуло холодом. Позже я узнаю, что эта новая субстанция – воздух. Разумеется, к тому моменту я уже выпил всю околоплодную жидкость, и ощущение прохладного воздуха в легких принесло мне облегчение: я и не знал, как сильно нуждаюсь в этом новом веществе.

Я огляделся, рассматривая этот неведомый уровень мира, открывшийся передо мной. Уровень, в котором границей служил огромный блестящий живот змеи, обвившийся вокруг своих бесчисленных яиц. Мать. Еще не вылупившиеся дети. Я медленно пополз к свету, по яйцам, в которых жили мои будущие братья и сестры. Слишком много впечатлений. Тепло батареи. Далекий привкус жизни в воздухе. Всевозможные громкие, режущие звуки из какого-то не известного мне места. Звуки, которые становились громче и стихали, согревающая яйца вибрация материнского тела.

Свет и мрак несколько раз поменялись местами, и за это время у меня появилось с десяток братьев и сестер – они выползали из яиц, когда хотели поиграть, и возвращались обратно, в скорлупу, чтобы поспать. Мы сплетались друг с другом, сцеплялись телами и тянули в противоположные стороны, сворачивались в клубки и засовывали под них головы, а потом высовывали их. Мы привыкали к силе в мышцах, к легкости, с которой могли прятаться и невероятно быстро снова заявлять о своем присутствии. Нам было все равно, где заканчивается одно тело и начинается другое. Оставаясь собой, мы в то же время были и всеми остальными.

Мать кое-что скрывала от нас. Она прятала то, что находилось за кольцом ее тела. Сперва это нас не волновало. Мы полагали, будто ее тело и есть граница вселенной. Для нас дни представляли собой одну-единственную волну движения, тепла и вкуса. Однако мы знали,

что должны еще о чем-то узнать. Что существует причина, по которой мы испытываем силу собственных мышц. Нам было известно, что этой силе найдется применение.

Я хорошо помню, как впервые поднял голову и не увидел материнской спины. Значит, ее тело – не окончание, а начало. Пространство вокруг нас было открытым, путь свободен. Я проголодался, а в воздухе висел едва заметный запах еды. Крошечных существ, прячущихся где-то неподалеку. Теперь все зависело от нас. Нам предстояло растечься по земле потоком свободных змей, готовых променять горький привкус околплодных вод на вкус мяса.

Я пополз прочь от пустых скорлупок к сухой земле, бесшумно прощупывая мелкими зубами почву. Животные были где-то рядом, однако запахи оставались далекими и невнятными.

Я приготовился совершить бросок, пронестись по земле, подогреваемый охотником у меня внутри. Тем, кто командовал мной без малейшего вторжения с моей стороны. Но я лишь выяснил, что у воздуха тоже существуют границы. Куда бы я ни пополз, со всех сторон встречал невидимое сопротивление. Я прощупывал языком воздух, но изоляция не обладала вкусом. Сбитый с толку, я замер там, где начиналась изоляция, и попытался осознать. На этот раз я знал, что с другой стороны что-то есть. Я отчетливо видел это, слышал и чувствовал. Оно даже двигалось. Существо, причем такое огромное, что даже материнская спина в сравнении с ним казалась маленькой. Сильнее всего поражал его рост – это существо горой возвышалось надо мною. Вот оно приблизилось, подняло длинные конечности и постучало по преграде. Тук-тук-тук. И вибрация перекинулась на мое тело...

Лив

Олесунн

Суббота, 30 августа 2003 года

Все вокруг кружилось. Комната описывала круги, так что я не отличала потолок от стен, собственные руки – от чужих, обхвативших меня. Непрерывным потоком кожи и расцветок, желтого и белого, люди проносились мимо. Я видела волосы и одежду, слышала чей-то смех. Я смеялась в ответ, но кому я отвечала, не знаю. Я явно перебрала. Старалась не сводить глаз с одной точки. Смотрела на черный кожаный диван и такое же кресло. На пыльные картины на стенах, наверняка купленные по дешевке на блошином рынке. На комод в углу, ярко-красный комод Ингвара, которым никогда не пользовались. На музыкальный центр Эгиля, из колонок которого вылетали наложенные на ритм слова – Эгиль всегда первым ставил музыку. Музыкальный вкус Ингвара – тоска и психоделика – нравился мне больше, он больше соответствовал моему мироощущению. Веселая музыка Эгиля, весь этот грохот, жажда наполнить жизнь праздником и весельем, нагоняли на меня тревогу. Если б я знала, что, когда его шумных друзей рядом нет, он совсем другой, то и терпеть его не стала бы. Такие сложились между нами отношения. Мы брали и давали.

У кружившего около меня человека были зыбкие, словно песок, черты. Мне хотелось остановиться, высвободить руки из его объятий, но он притягивал меня к себе. Движения его замедлялись. Он провел рукой по моим волосам. Голова кружилась, и, чтобы не упасть, я уцепилась за него. Он обхватил меня за плечи и, притянув к себе, принялся раскачивать из стороны в сторону, не попадая в такт бормотанию из колонок. Движения в комнате словно шли вразлад со звуками, запаздывали. Я решила, что на силу тяготения полагаться не стоит. То, чему полагалось быть сверху, иногда оказывалось слева, и мне казалось, будто мои голова, живот и ноги действуют независимо от меня. Пазл не складывался, хотя я безуспешно пыталась втиснуть его кусочки друг в дружку.

Я уткнулась в его свитер. На груди у него была выпуклость, за которую я и схватилась. Музыка отдавалась мне в пальцы. Немного раньше Эгиль предложил мне воды и попробовал меня усадить, но я подняла его на смех и вылила воду ему на голову. Вспомнив, как он взбесился, я хихикнула.

– Ты чего смеешься? – спросил мужик.

Я посмотрела на серебряную цепочку у него на шее и на его подбородок, такой круглый.

– Да просто подумала, какая отстойная музыка. – Я с силой вдавила палец в выпуклость на груди и снова хихикнула, на этот раз громче.

Мужик крепко ухватил меня за подбородок, стиснул его, приподнял мне голову и, прижав свои губы к моим, нагло всунул мне в рот горький язык. Желудок у меня свело, в горле булькнуло.

Воздуха не хватало, я вырвалась из объятий мужика и двинулась к двери, проталкиваясь между танцующими. Внезапно в памяти всплыл тот бокал с банановым ликером, который ранее тем же вечером кто-то втиснул мне в руки, и гнилостный вкус жидкости. Опершись на стул, я силилась сдержать рвоту, но тщетно. Распахнула дверь на террасу и перегнулась через перила. Коричнево-желтая рвота хлынула вниз, прямо в цветочную клумбу, забрызгивая зеленые листья и розовые лепестки. Мы обещали домовладелице приводить палисадник в порядок, но давно забросили это дело, поэтому домовладелица сама стригла траву и полола клумбы. Ну что ж, по крайней мере, я хоть цветы удобрила...

Я прошла по газону, по-прежнему ощущая во рту привкус рвоты. Сорвав с дерева листик, принялась жевать его в надежде избавиться от этого привкуса. Листва приятно холодила мне

лицо; я привалилась к стволу, закрыла глаза и попробовала вернуться в мир, где нет такой ужасной качки. По крайней мере, без музыки, людей вокруг и шума стало намного лучше.

– Сигарету?

Мужик, с которым я танцевала, стоял возле стены дома, держа в руках пачку. Он щелкнул зажигалкой, и пламя выхватило из темноты его лицо. Детское лицо на долговязом туловище. И почти налысо бритый. Оставшиеся волоски были совсем светлыми, почти неотличимыми по цвету от кожи. Из-за черного худи тело, и так худощавое, выглядело совсем щуплым, а сам он смахивал на Эминема. В ухе у него блестел бриллиантик.

– А то, – сказала я.

Он подошел ко мне и, протянув пачку, встал рядом со мной и приобнял меня за плечи. От запаха его одеколона мне стало дурно. Лицо его приблизилось к моему – он явно хотел, чтобы я прикурила свою сигарету о его; в школе мы называли такое «трахнуться сигаретами». Меня снова накрыла волна тошноты. Отведя в сторону руку с сигаретой, я наклонилась вперед. Пока из меня извергался фонтан блевотины, мужик держал мои волосы. Желудок напрягнулся – он опустел, но организм не желал сдаваться. Мужик прижался ко мне сзади. К моему неудовольствию, его рука поползла по моему животу вниз. Я вытерла с губ вязкую желтую каплю, втянула дым еле тлеющей сигареты, раскурила ее и отошла к крыльцу.

Пока я курила, мужик по-прежнему стоял на лужайке и смотрел на меня темными, чуть ли не черными глазами. Лицо у него было узким, почти лишенным растительности. И тем не менее, думала я, он на много лет старше меня – иногда это просто знаешь, непонятно почему. Я затушила окурочку о ступеньку. Мужик выжидал. Если я сейчас развернусь и уйду, он увяжется следом. «Покажи мне твою комнату, ну почему нет, покажи...» Нет, улизнуть надо по возможности незаметно.

– Обычно я выигрываю, – проговорила я. От сигареты стало полегче, хотя до конца я так и не протрезвела.

– В чем выигрываешь?

Я показала на него пальцем:

– В гляделки. Я терпеливая, каких еще поискать. Но тебя так просто не обыграешь.

Мужик подошел ко мне и положил руку мне на бедро.

– А мне нравится смотреть.

Он ухватил меня за задницу. Во мне снова всколыхнулась тошнота – я вспомнила дыхание Патрика. Переборов желание сбежать, прикинула к нему.

– Ты охеренная, – прошептал он и пальцем провел мне по нижней губе.

Я улыбнулась и потянула его за собой к дому, поближе к двери на террасу, где из окна нас было не видно. Опустившись на траву, увлекла его за собой, хихикнула и прижала палец к губам.

– Ложись и закрой глаза.

Он послушался. Улегся на спину и зажмурился. Я стала расстегивать ему брюки, и губы у него растянулись в блаженной улыбке. Ставив с него брюки, я заодно сняла и ботинки с носками и аккуратно сложила все это возле клумбы с большими бледно-розовыми цветами. Под брюками у него оказались боксеры с выбитым на резинке логотипом; такие надевают, когда носят брюки на бедрах. Я встала, взяла лежащий у стены поливочный шланг и повернула красный вентиль. В мужика ударила струя ледяной воды, и он завопил. Я бросила шланг и, хохоча, убежала в дом, слушая за спиной громкую брань.

Захлопнув дверь террасы, я быстро щелкнула замком, протолкалась вперед и увидела Эгиля. Он танцевал с какой-то девушкой. Длинными красными ногтями она водила по его лицу. Сиськи у нее были силиконовые – в этом я не сомневалась. Телочками, которых Эгиль где-то цеплял, я не уставала восхищаться. Их словно делали в инкубаторе тупых куриц.

Я расталкивала смеющиеся, болтающие и трущиеся друг о дружку тела, отворачиваясь от фальшивых улыбок, слушая писклявые голоса, выхватывая взглядом чьи-то пальцы, которые сжимали бокал. Задев какую-то парочку, я добралась наконец до комнаты Ингвара и открыла дверь. В уши мне ударила музыка. Из колонок ревел вокалист «Бонгзилла». Подняв в знак приветствия руку, Ингвар передал сидящему рядом косяк. В комнате, куда набилась куча народа, висела пелена дыма; гости сидели на кровати и ковре и без умолку болтали. Я уселась на пол, затесавшись в компанию подростков.

Когда очередь дошла до меня, я не торопясь сделала несколько глубоких затяжек. Грудь наполнилась дымом, и я прикрыла глаза. Вскоре опьянение ушло, а радости прибавилось. Голоса вокруг зазвучали тише, комната отдалилась, речь сделалась неразборчивой. В ушах словно появилась приятная пустота, которая росла и ширилась. Я затянулась еще раз, напоследок, и открыла глаза, чтобы передать косяк дальше. И увидела на пороге того мужика с закосом под Эминема, которому вздумалось меня потискать там, в саду. Спереди на худи у него расплывалось здоровенное мокрое пятно. За его спиной маячили двое качков. Вся эта троица напоминала пародию на фильм Тарантино. Недоделанный Эминем уставился на меня. Я думала, что он отведет взгляд, но зря – он не спускал с меня глаз. Тощий и хилый, на фоне качков он смотрелся совсем комично; я захихикала, и меня так разобрало, что я никак не могла успокоиться. Смех рвался наружу, на глаза навернулись слезы, и вот я уже повалилась навзничь и громко безудержно захохотала.

Когда я снова посмотрела на дверь, мужик исчез. Однако в комнате стало тише. Хихикая, я привалилась к кровати, и кто-то постучал меня по плечу. Я подняла руку и легонько дернула Ингвара за бороду.

– Забористая хрень. – Вытерла слезы.

Ингвар строго нахмурился.

– Это еще что такое? – Он показал на дверь.

– Да просто какой-то покоцанный утырок.

Ингвар вздохнул.

– Этот покоцанный утырок – мой пушер.

Я выпрямилась.

– Так это и есть Дэвид Лорентсен? А ты говорил, он на всех шороху нагоняет...

– Он здорово взбесился.

Я пожала плечами.

– Я что, должна с ним трахаться только потому, что он тебе траву толкает?

Ингвар вздохнул и снова уселся на кровать. В колонках заиграли «Уидитер» – их я любила слушать по вечерам, когда мы с Ингваром и Эгилем оставались дома вместе. Сейчас же музыка казалась чересчур громкой и тяжелой. Она сливалась с голосами гостей, превращаясь во всепоглощающий хаос. Я подумала, что, скорее всего, такой же шум стоит в аду.

– Лив, слушай! – Откуда ни возьмись, рядом появился Эгиль.

Я подвинулась, чтобы он сел рядом, но Эгиль лишь наклонился ко мне и взглянул на двух девушек, которые, похоже, ждали его.

– Я тут вот что подумал... Эти две красотки ужасно хотят посмотреть на Неро. Не хочешь его вынести на чуть-чуть?

– Эгиль, хватит.

– Совсем ненадолго... Или пускай они зайдут к тебе, и ты им его покажешь?

Я дернула Эгиля на себя; он потерял равновесие и плюхнулся рядом.

– На хрена ты им вообще рассказал? Без Неро тебе что, не обломится?

– Он, между прочим, не твоя собственность. Это наш общий питон.

– Даже не мечтай.

Эгиль наклонился к моему уху.

– Дай ключ, – прошептал он.

Я отодвинулась, вскочила и вышла. Возле двери в мою комнату вытащила из-под джемпера цепочку с позолоченным ключом и бережно провела по нему пальцем. Я сама заплатила за позолоту, когда сюда въехала. Мой первый ключ от моей собственной комнаты, куда без моего разрешения никто не войдет. Естественно, в детстве у меня имелся ключ от так называемого родительского дома, но моя комната там никогда не запиралась; к тому же кроме меня в ней жил Патрик. В этом ключе было что-то священное. Мой тайный талисман.

Я оглянулась, удостоверившись, что Эгиля за моей спиной нет, и вставила ключ в замочную скважину. Облегченно вздохнув, подошла к специально сконструированному террариуму возле окна, где на подогреваемой подстилке лежал Неро. Когда мы купили его, та американка посоветовала нам держать Неро в запертой комнате. В террариуме были раздвижные дверки, но питон все равно смог бы выбраться, а если он улизнет из дома, то шуму наделает немало. Комнаты Ингвара и Эгиля не запирались, поэтому Неро мы определили ко мне. Я открыла крышку, бережно взяла гладкое тело змеи и приподняла ее. В воздухе затрепетал раздвоенный язычок. Потянувшись, питон оглядел окрестности с незнакомой прежде высоты.

– Привет, – прошептала я, – соскучился?

Я взяла его с собой под одеяло и сунула под футболку. Маленькие чешуйки щекотали живот. Я погладила его сухую кожу. Когда он только появился у нас, Эгиль думал, будто змеи такие же скользкие, как улитки, или липкие, как червяки. Возможно, тогда мои пальцы тоже ожидали чего-то подобного, но я ошиблась. Скорее казалось, будто его тело уклеено крошечными ногтевыми пластинками. Я все гладила и гладила эти бугорки у него на спине и не могла остановиться.

Если б я сейчас оставалась той, какой была, когда только переехала сюда, возможно, я не стала бы отшивать этого мужика. Возможно, привела бы его к себе в комнату, просто чтобы не засыпать в одиночестве. Иногда я так и поступала. Это ничего не меняло и доставляло лишь беспокойство. К тому же в промежности потом жгло, а в кровати было тесно и не развернуться. Неро же, наоборот, приносил успокоение. Я вслушивалась в тишину, стараясь уловить его голос, услышать слова, которые он прошептал в ту ночь, однако он молчал. Неужели я все придумала?

– Поговори со мной, – прошептала я, чувствуя, как по щеке ползет слеза. И сама удивилась. Плакать я не привыкла.

Руе

Кристиансунн

Пятница, 18 августа 2017 года

– Потанцуем? – Ронья улыбнулась и протянула мне свою маленькую ручку. От алкоголя на щеках у нее расцвели алые розы. Темно-русые волосы, обычно забранные в хвост, свободно падали на плечи. Ее зовут Ронья Сульшинн⁵. Такая фамилия – словно обещание, и никому не под силу сдержать это обещание так, как на это способна Ронья. Когда говорят «открытый и дружелюбный» – это про нее. И взрослая жизнь еще не стряхнула с нее былую наивность. У нее всё еще впереди.

– Спасибо, очень приятно, но я не танцую.

Они притащили меня в битком набитый бар. Тут полным-полно народу; спьяну все покачиваются, разговаривают излишне громко, бесцеремонно плюхаются на стул рядом и ни с того ни с сего заговаривают с тобой. Говорят, это самое популярное место в городе, и все благодаря караоке. Пьяные вопли тех, кто потерял всякий разум и кому попался в руки микрофон. Приколно – вот что они думают. А когда не знаешь слова, еще прикольнее.

Ронья склонилась над столом, взглянула на всех остальных, занятых разговором, и, быстро действуя большими пальцами, набрала что-то на своем телефоне. А потом показала экран мне. «Хотела тебе сказать, что ты правильно разозлился. С какой стати они расспрашивают тебя обо всем этом?»

В ресторан я опоздал. Другие пошли туда сразу с работы, а мне разрешили забежать домой, чтобы надеть свежую рубашку. Поэтому место за столом мне досталось самое поганое, с краю, у стенки, где я словно оказался под перекрестным допросом со стороны полицейских, с которыми после переезда вообще нигде не пересекался. Они принялись спрашивать, правда ли все то, что случилось с моей дочерью. Изображали всякие чувства. А ведь сами-то они считают себя добрыми – и это хуже всего. Они думают, что если выковыряют у меня из воспоминаний Малышку и лишний раз напомним о ней, то мне сделается легче. Они не понимают, что она – это не тема для праздной беседы; она – моя дочь из плоти и крови. В итоге я прямым текстом попросил их заткнуться. Посмотрел на Ронью, кивнул и в знак благодарности улыбнулся. Однажды Малышка назвала меня брюзгой. Едва ли случайно: когда мы с Ингрид были женаты, та нередко называла меня так же. Но в те времена я брюзжал иначе. Наверное, я был раздражительным. Упертым – это однозначно. Время от времени отдалялся от семьи, потому что работа занимала чересчур значительную часть моей жизни. А вот сейчас – сейчас я и правда брюзга. Брюзга во мне стал для меня новым другом, защитником. Я его ненавижу, но мне он нужен. Так оно сложилось.

Я посмотрел на сообщение от Роньи, стер написанное ею и, неуклюже перебирая пальцами, написал: «Злиться вообще правильно. Не только на всяких мразей, на допросе или при аресте, а вообще».

Ронья взяла телефон и прочитала мое сообщение. Потом кивнула, выпрямилась и пошла к танцполу. Она выглядела такой беззаботной, такой свободной... Сам же я, по крайней мере, радовался, что из-за громкой музыки вести доверительные беседы никто не полезет.

Большинство уже топчется на танцполе, рядом с Роньей. Сама она вскоре положила руки на плечи датчанину, а он ухватил ее за талию. Может, он ей и нужен? Какой-то чересчур правильный. Ей с ним будет скучно. Эти молодые девушки, они долго бывают словно неприкажные. Постоянно ищут чего-то, и такие открытые... Прежде чем Ронья научится держать чувства при себе, ее еще не раз ранят.

⁵ Solskinn – солнечный свет (норв.).

– Взять тебе чего-нибудь? – спросил Шахид. – Я угощаю.

Взгляд у него мутный, да и нагнулся он чересчур близко. Мне часто приходило в голову, что Шахид – один из самых практичных моих знакомых. Очки у него функциональные, обувь удобная, а на работу он ездит на велосипеде, закинув за плечи серо-оранжевый рюкзак с бутылкой воды в боковом кармане. Тут тебе и спорт, и транспорт. Сейчас этот мой суперпрактичный начальник махнул карточкой «Виза» в направлении бара. Пьяные чувят трезвость издалека и изо всех сил стараются искоренить четкую дикцию и самоуважение. Я показал на полупустой бокал и ответил, что у меня еще осталось.

– У тебя всё в порядке, Руге? Тебе у нас в отделении нравится? – Ему приходилось перекрикивать упрямую женщину лет сорока, уверенную, что с самыми высокими нотами она тоже справится. То есть если у меня не всё в порядке – а тут он прав, – то появилась отличная возможность проорать об этом своему начальнику. Сперва я решил было вовсе не отвечать – или уточнить, завел ли он этот разговор, потому что так прописано в правилах.

– Все хорошо, но я, наверное, скоро пойду домой.

Он положил руку мне на плечо. По-пьяному доверительно.

– Побудь еще немного, Руге. Ты же сегодня виновник торжества.

«Виновник торжества» ни о каком торжестве не просил, однако никто из них об этом и не подумал. Самому Шахиду тоже чуть за пятьдесят, и когда ему стукнул полтинник, он наверняка пригласил на праздник всех норвежцев пакистанского происхождения.

– Побудь еще чуть-чуть, – повторил он. – Когда ты с нами, это хорошо. Мы же нечасто проводим время вместе. Общаться полезно. Ты и сам это знаешь, ведь опыт у тебя немалый; ты знаешь, как важно общаться с сослуживцами – тогда и работать с ними проще. Нам просто необходимо беседовать друг с другом. Делиться впечатлениями о том, что нам приходится переживать. Но сегодня мы просто веселимся. Твое здоровье.

Мы чокнулись. Шахид повернулся к тем, кто сидел с другой стороны от него. Я уставился на стакан с пивом и попытался сосчитать до десяти. Хотелось сказать ему, что не надо мне рассказывать о пользе беседы. Естественно, это штука полезная. Когда болтаешь о работе, о том, что с тобой успело случиться. Когда ты устал, но не особо, – просто тебе нужно выпустить пар. Но мне беседой не поможешь.

Заиграла спокойная мелодия. Ронья с датчанином притянула друг к другу, и она положила голову ему на грудь. Ронья маленькая и хрупкая, он высокий и крупный и как будто окутал ее своим телом. Ее руки утонули в его руках, его плечи нависали над ее плечами. Эти двое рядом смотрелись почти красиво, вот только казалось, будто Ронья искала уменьшенную его версию, а нашла вот такую. Вообще он вежливый, и в вещах у него порядок. Это хорошо. Не знаю, почему меня вообще заботит, с кем ей вздумается встречаться. Просто она приятная собеседница, и я желаю ей счастья.

Столешница завибрировала. Эта вибрация исходила из кармана Шахида, но сам Шахид, как ни в чем не бывало, болтал со своим соседом и не замечал, что звонит телефон. Пришлось мне постучать его по плечу, чтобы привлечь его внимание. Выходя из-за стола, Шахид не стал просить меня пропустить его, а вылез с другой стороны, хотя для этого ему пришлось поднять троих. Теперь моим соседом по столу был Осмунд. Он надел новую рубашку и вязаный пуловер.

– Ну, как дела у нашего именинника?

Сегодня вечером меня столько раз спросили, как дела, – я уже и со счета сбился. А дела не очень. Я сбежал в другой город лишь для того, чтобы уяснить: ничего не меняется. И все это совершенно безнадежно, совсем как в той песне, где мужик решил сбежать от гнома. Каждому ясно, что этот проклятый гном увяжется следом. Я поднял бокал и, чтобы хоть что-то сказать, спросил Осмунда, готов ли он к плановому посещению школы.

С Осмундом легко разговаривать по одной простой причине: для него ничто не имеет особого значения. Ни работа, ни погода, ни усталость. Осмунд ждет пенсии. Ему остался всего год, а потом он наконец усядется в кресло на террасе и будет наблюдать за птицами в саду. Старики с юной душой, мечтающий о домашнем затворничестве. Его интерес к птицам я разделяю, но их вид усиливает мою скорбь. Я смотрю на птиц, потому что они напоминают мне об утрате. Я вижу, как они выют гнезда и приносят птенцам корм, и представляю себе тот день, когда кто-нибудь явится сюда с пилой и спилит дерево. Расскажи я об этом Осмунду, он не понял бы. Поэтому мы обычно рассказываем друг другу про птиц на кормушке. Я – про тех, что были в моей прошлой жизни, а он – про тех, что прилетают к нему сейчас.

Музыка стихла. Кашлянув, женский голос проговорил в микрофон, что сегодня среди нас именинник. Я посмотрел на сцену. Там стояла Бирта и еще четверо полицейских.

– Руге Ульсвику исполняется пятьдесят пять, поэтому мы исполним для него *Happy Birthday*.

Осмунд потянул меня за руку и подтолкнул вверх, но я вставать не стал. Впрочем, все и так догадались, у кого день рождения. Все присутствующие посмотрели на меня и запели, а официантка вынесла большой торт. Горящие свечи в темном помещении смотрелись особенно ярко.

Я стиснул под столом кулаки. Надо бы улыбнуться, поблагодарить и задуть свечи, но как же мне со всем этим справиться? Если б в этом проклятом мире имелся хоть какой-то смысл, мне давно следовало бы умереть, а не стареть вот так, год за годом. Я встал. Растянул губы в неестественной улыбке. Принялся кивать, кланяться и махать, а остальные со всех сторон щелкали меня на телефоны. Я дунул. Чтобы дыхания хватило и на последние свечки, мне пришлось вдохнуть еще раз.

Вскоре половина присутствующих столпились вокруг моего столика и начали поздравлять меня с днем рождения. Какой-то женщине лет шестидесяти непременно вдумалось угостить меня стаканчиком. Она сильно набралась и не замечала, что в вырез блузки у нее видно половину бюстгалтера. Я поблагодарил и вежливо отказался. А вот следующего, кто ко мне полез, послал куда подальше. Живот скрутило, грудь сдавило, щеки горели. Я принялся проталкиваться через толпу к выходу. Быстрее отсюда, на свежий воздух. Ни секунды больше не стану тут сидеть.

– Руге!

С балкона, где стояли курильщики, свесился Шахид. Он прижимал к груди телефон – видно, просек, что я решил свалить. Знаком попросил меня подойти. На секунду я едва не послушался его, но мое терпение иссякло. Мне пора домой. Я протиснулся мимо обжимающейся парочки и зашагал по ступенькам вниз. На тротуаре перед баром остановился и глубоко вдохнул. Воздух обжег мне легкие.

– Руге!

Шахид бросился следом за мной. В трубку он сказал, что перезвонит позже.

– Кое-что случилось.

Он был бледен и держал мобильник двумя пальцами, словно какой-то раскаленный предмет. Огляделся, посмотрел на охранника и группку девушек неподалеку.

– Пропала девочка. Одиннадцать лет. Девять часов назад.

Я кашлянул.

– Они сейчас об этом сообщили?

Он кивнул.

– Речь идет о ребенке; раньше она не пропадала, поэтому расследование начнем прямо сейчас. Будем надеяться, что ее найдут уже сегодня ночью, но мало ли... Сам все знаешь. Время дорого, если дело серьезное. Вдруг ее до завтрашнего утра не найдут, а у нас сегодня все следователи целую ночь в баре просидели... Нам надо по домам. И хорошенько выспаться.

Я тоже кивнул. Тяжесть в груди исчезла.

Я кашлянул.

– Я могу поработать сейчас.

Шахид удивленно уставился на меня.

– Тебе бы протрезветь сначала, Руе.

Я посмотрел себе на руки. Сознаться мне не хотелось.

– Я весь вечер пил безалкогольное пиво, – наконец проговорил я.

Лив

Олесунн

Пятница, 9 января 2004 года

В темной комнате сидела темнокожая девушка. Ее длинные черные волосы падали на лицо. Она сидела на плетеном кресле, поставленном посреди лужи. Послышалось шипение, какое бывает, когда телесигнал потерян. Главная героиня фильма подошла к темнокожей девушке и протянула руку. Дальше события развивались стремительно: девушка ухватила руку женщины, комната закружилась, и раздался крик. Женщина проснулась. Она лежала в собственной кровати, но на руке у нее была кровавая отметина от чьих-то пальцев.

Положив голову на плечо Эгилю, я жадно кидала в рот попкорн. Неро лежал на диване у нас за спиной. Время от времени он касался хвостом моего затылка. За стеклом падал снег вперемешку с дождем. Перед Рождеством мы развесили на террасе фонарики, но праздновали так бурно, что они грозили вот-вот отвалиться. Эгиль на Рождество ездил к родителям и вернулся с острой потребностью хорошенько повеселиться. Ощущение было такое, будто между Рождеством и Новым годом у нас весь город побывал.

– Нам можно в кино сниматься. Типа «Звонка», – сказал Эгиль. – А тебе, Лив, роль Самары в самый раз была бы.

– Тсссс! – одернул его Ингвар.

Он сидел в кресле, закинув ноги на старый ящик из-под газировки. Челка падала ему на глаза.

– Самару и Ингвар запросто сыграл бы! – Я расхохоталась. – Можно вообще по очереди играть.

Ингвар бросил зернышко попкорна, оно пролетело через всю комнату и угодило мне в лицо. Я бросила его обратно, но промахнулась, и попкорн упал на пол. Тогда за меня вступился Эгиль: он запустил руку в миску с попкорном и швырнул в Ингвара целую пригоршню. Я испустила радостный вопль и захлопала в ладоши.

– Уймись, мелюзга, – сказал Ингвар, – тут некоторые, между прочим, кино смотрят.

– Ты же видел японскую версию, – подловила его я, – и знаешь, что будет дальше.

– Я смотрю кино не для того, чтобы узнать, что будет дальше, – парировал Ингвар.

Раздался звонок в дверь, и входная дверь открылась. В прихожей послышались голоса.

– Мы тут шмотье бросим! – крикнул один из музыкантов из группы Ингвара. Тот проорал в ответ нечто нечленораздельное.

На экране главная героиня отыскиала дом, где выросла девочка, и поняла, что в детстве та была обделена вниманием. Эгиль вытянул накачанную руку, на которой отдыхал Неро, и произнес:

– Вот что я вам скажу. Он скоро вырастет и будет длиннее дивана; но пока он не вымахал, надо обязательно его показать кому-нибудь. Говорите, что хотите. Однажды вы свалите, и я это проверну.

– Забудь, Эгиль, – отмахнулась я. – Когда я перееду, то и Неро с собой заберу.

– Это не твоя змея, не тебе и решать, – сказал Эгиль. – И за змею, и за террариум заплатил я.

– Ты хочешь сказать, твой папа заплатил.

– Заткнись.

– Ну хватит, завязывайте, – буркнул с кресла Ингвар.

– Ты чего это? – спросила я. – Критические дни?

Ингвар вскочил и стряхнул с себя остатки попкорна.

– Ну всё, достали. С вами даже кино не посмотришь.

Он скрылся в коридоре. Я перевела взгляд на экран, но нить уже была потеряла.

– Мне это не нравится, – сказал Эгиль, – вечно ты отца моего приплетаешь... Вообще-то это хреново.

– Знаю, – признала я, – прости.

– Я на Рождество вообще представлял, как пристрелю его, – Эгиль сложил пальцы в форме пистолета. – Он насквозь психопат, реально. У него и чувств никаких нету, только жадность и злость. По-моему, такие, как он, не заслужили власти над другими.

– Такие, как он, как раз эту власть и получают, – сказала я.

Он кивнул.

– Мне бы с ним расквитаться. Воздать по заслугам. Однажды он у меня дождется. Деньги – вот его больная мозоль. Надо дом ему сжечь или сейф ограбить.

В лавовом светильнике возле телевизора плавал большой желто-зеленый пузырь.

– Чего это с Ингваром такое? – спросила я. – Через слово огрызается.

Эгиль сунул в рот попкорн и принялся тщательно его разжевывать.

– Что-то случилось, да? – не отставала я.

Он вздохнул.

– Да я на него слегка наехал... Ничего особо серьезного.

Я поставила кино на паузу и повернулась к Эгилю. Неро высунул в мою сторону язычок.

– Давай выкладывай, – сказала я.

Эгиль опустил взгляд.

– Думаю, тебя это не обрадует.

– Колись.

Эгиль поднес змею к лицу и внимательно посмотрел на покрытое чешуйками тело.

– Он тут с Патриком пару раз встречался. В городе. Я видел, как они болтают.

Я зажмурилась и постаралась стереть воспоминания. Исходящий от Патрика запах пива и грязи. Патрик редко мылся, кожа у него была плохая, а волосы – жирные. Девчонки при нем это и обсуждали. По вечерам он иногда выдавливал перед зеркалом прыщи.

– Ингвар говорит, это сложно, – продолжал Эгиль, – Патрик ведь безо всякой задней мысли к нему подходит, они старые друзья. Но Ингвар пообещал с ним больше не общаться.

Старые друзья... Ну что ж, бывает. Знакомые у каждого имеются. Если хочешь убежать, недостаточно просто перебраться на другой берег фьорда.

– По-моему, Ингвару стоило бы ему морду набить, – сказал Эгиль. – На самом деле, нам бы нанять кого-нибудь, чтобы его по стенке размазали. Например, этого Дэвида, приятеля Ингвара...

– Нет, не пойдет, – возразила я, – Патрик, как ни крути, мой брат.

Эгиль покачал головой.

– И чего ты за него переживаешь? Он этого не заслужил.

– Он что, приходил сюда?

В эту секунду из комнаты Ингвара раздался оглушительный скрежет, словно музыканты решили сыграть на циркулярной пиле. Похоже, Неро эти звуки растревожили. Я сняла его у Эгиля с плеча и сказала:

– Охренеть. Пойду заниматься.

Ронья

Кристиансунн

Пятница, 18 августа 2017 года

От Августа пахло лосьоном после бритья и виски. Он обхватил меня руками, так что я почти утонула в его объятиях, и наклонился ко мне, совсем близко; я даже поры у него на коже разглядела. А сквозь гладкую кожу на подбородке пробивались светлые волоски. В баре затаили *Happy Birthday*. Мы стояли на лестнице, чуть в стороне от всех остальных, однако кто-нибудь из коллег мог в любой момент сюда сунуться. Я взглянула в сторону бара, но никого из знакомых не заметила. Август здорово напился. Прежде я его таким еще не видела. Глаза заволокло, губы растянуты в глупой улыбке. От удивления я хихикнула. Обнимать его за шею, ощущать на своем лице его дыхание – это как-то непривычно. И недальновидно, вообще ни с какой стороны. Мы же коллеги. Впрочем, все это словно понарошку. Пахнет от него приятно, а один поцелуй ничего не изменит. Чтобы дотянуться до его губ, мне пришлось встать на цыпочки.

Губы у него узкие и чуть мягче, чем я ожидала; язык движется осторожно, как маленькая остророгая улитка. Наконец наши губы с тихим чмоканьем разомкнулись. Я снова хихикнула, покачала, сама себе удивляясь, головой и боднула Августа лбом в грудь. Он горячо задышал мне в волосы и пробормотал:

– Наверное, пока хватит.

– Это точно, – засмеялась я, – пока хватит.

Кто-то протиснулся мимо нас к выходу. Я подняла голову и увидела широкую спину Руе. За ним бежал начальник. Август отшатнулся. Я закрыла лицо руками. Щеки у меня пылали.

– Думаешь, они нас заметили?

Я отошла в сторону и поправила волосы. Бог весть, как я теперь выгляжу, после того как Август запускал пальцы мне в волосы.

– Пойдем обратно, к остальным, пока никто больше не вышел.

Я зашагала в бар, уговаривая себя не трогать волосы. Макияж, наверное, тоже размазался, может, и тушь потекла... впрочем, этого все равно никто не заметит. Я подняла голову и перехватила взгляд Бирты. Она посмотрела на меня, потом на Августа, брови ее поползли вверх, и она заулыбалась. Наивно с моей стороны было полагать, что мы всех обхитрим.

Я встала в очередь к бару. Говорить ни с кем не хотелось. Выпью стакан воды и пойду домой. Бирта подошла ко мне и потянула за руку.

– Обожаю эту песню, – воскликнула она, – пошли тоже потанцуем.

Я покачала головой, но Бирта и слушать не желала – и потащила меня на танцпол.

– Давай выше нос, принцесса, – она пальцем подняла мне голову.

Мы стали танцевать. Мне полегчало – все лучше, чем стоять возле бара, сгорая от стыда. Может, именно поэтому Бирта и увела меня оттуда. Я отбросила назад волосы, посмотрела на потолок и окунулась в музыку. От переливающегося, свисающего с потолка шара на наших лицах плясали серебряные блики. Мы подпевали «Спайс гёрлз» с их *Wannabe* и смеялись.

Кто-то ухватил меня за локоть и развернул. На миг мне почудилось, что это Август, однако сзади стоял Шахид. И, судя по всему, нервничал.

– Веселье окончено, – сказал он. – Всем по домам, и чтобы к завтрашнему дню были как стеклышко.

Лив

Олесунн

Вторник, 3 февраля 2004 года

Ее сервант был воротами в мир выпечки. Один за другим она достала оттуда анисовый рогалик, венское пирожное, гвоздичную сдобу и плотный кусок масла под стеклянной крышкой. Миндальные печенья, похоже, пролежали там с Рождества. Женщина разлила по цветастым фарфоровым чашкам кофе. Коричневый козий сыр прилипал к небу, я откусывала большие куски печенья и булочек и запивала их молоком.

– Беспорядок там ужасный, – сказала она, – для пожилой женщины дел неуворот. Мой сын... – дала мне фотографию мужчины средних лет, – он так старается помочь! В последний раз, когда он приезжал ко мне, то просто отвез половину всей живности к ветеринару. Это ужасный шаг, но куда деваться, когда сам не в состоянии о них позаботиться? Как же славно, что среди молодежи тоже попадают такие, как ты, те, кто любит животных, – и она похлопала меня своей дряхлой, обмякшей рукой по плечу.

Двигаясь, старушка сгибала руки в локтях, горбилась и при этом выпячивала грудь. Она напоминала какую-то диковинную птицу. У меня никогда не было бабушки – по крайней мере, я своих бабушек не знала. Да и вообще была не в курсе, живы ли они и как отнесутся ко мне, если мы с ними познакомимся. Поэтому похожи ли бабушкины руки на руки этой женщины, я не знала. Кожа свисала с них тяжелыми складками, сморщенная и, словно небо звездами, усыпанная старческими пятнами.

Она проводила меня в подвал, а там приподняла лежавшее на скамейке одеяло. Под одеялом, в коробке, лежала окотившаяся кошка с двумя новорожденными котятками. От света котята запищали и принялись ползать по коробке. Женщина взяла одного из них на руки – черепахового котенка, испуганно замыкавшего оттого, что его схватили. Шерсть у него была мягкой, словно жидкой. Лежа у меня на ладони, словно в ложке, котенок беспомощно перебирал лапками, тихо мяукал и царапал мне кожу. Я спокойно прижала его к груди.

– Ну, привет, – сказала я. – Отнесу тебя домой.

* * *

Всю дорогу до дома я преодолела пешком, боясь сесть в автобус из страха, что кто-нибудь меня узнает. Смотрела на прохожих, высматривала среди них знакомых, чтобы спрятаться, если они меня заметят. Я шагала, выпрямившись, подавляла в себе желание ссутулиться, побежать, спрятаться. Еще я старалась не шагать по лужам, однако вода все равно просачивалась в ботинки, и даже брючины намокли.

Дорога была скучной, зато не вызывала у меня страха. В руке у меня покачивалась клетка. Каждый раз, когда она наклонялась, котенок скользил по полу и тихо пищал. Было всего двенадцать дней, и улицы оставались по-прежнему пустыми. В этом районе народа днем вообще мало – главное, не попасть сюда в тот момент, когда у местных школьников большая перемена. А Эгиль с Ингваром вернутся лишь через несколько часов.

Неро перестал довольствоваться мышами и крысами. Он принимал и глотал их, но его голод они больше не утоляли. Ночами он не давал мне уснуть. Его древний голос проникал мне в уши, а сам он, уловив момент, кидался на меня, показывая, что его недокармливают. «Лив, славная», – этого я больше не слышала. «Охота, охота, охота», – твердил Неро. Он еще ни разу не укусил меня, но был на грани этого.

Я перешла дорогу и зашагала прямо по проезжей части, по тающему льду, черному от выхлопных газов. Идти осталось недолго, однако мои собственные нервы мне не верили. Из

клетки доносился писк. Что я скажу, если встречу кого-нибудь? Чтобы вранью поверили, надо сказать полуправду, вот только какую именно? Я присматриваю за котенком по просьбе одной знакомой старушки, которую положили в больницу... Его отдал мне на время старый друг семьи... Нет, слишком сложно. Ручка клетки обжигала пальцы, писк отдавался в висках. Еще несколько метров по дороге. И не смей заглядывать в машину, притормозившую, чтобы пропустить меня. Сейчас совершенно обычный день, ничего особенного, я просто носила котенка к ветеринару, это котенок моей подруги. А сама она готовится к экзаменам... И что же это за подруга такая?

И вот я наконец пришла. Резкий поворот – и опять писк. Спокойно, спокойно. Еще одно препятствие, последнее и самое опасное. Надо пройти мимо окон первого этажа и придумать что-нибудь, если я попадусь на глаза домовладелице и все это ей не понравится. Из окна она никогда не выглядывает, ни днем, ни вечером, вечно за занавесками прячется, но кто знает... Может, именно сегодня, когда я буду проходить мимо, ей приспичит посмотреть в окно? Держа клетку так, словно это чемоданчик, я спокойно прошла по двору и подняла голову. И в окне кухни увидела ее. Узкое лицо в облаке седых волос. Домовладелица была чем-то занята, однако, как раз когда я посмотрела на нее, она тоже взглянула в окно. Я машинально подняла свободную руку, чтобы помахать, но домовладелица отвернулась и снова занялась своим делом.

Шагая вниз по лестнице, я силилась унять дрожь. Спокойно, спокойно. Мне дали котенка всего на несколько дней, и, разумеется, я собиралась спросить разрешения, если пойму, что хочу оставить его насовсем. Трясущейся рукой я открыла дверь. Из клетки доносился писк. Если котенок у меня всего на несколько дней, то почему я ничего не сказала Эгилю и Ингвару? С другой стороны, кому вообще все это интересно?

Взгляд мой упал на подставку для обуви, хотя я знала, что Эгиль на занятиях, а Ингвар репетирует с группой. Из коридора посмотрела в окно, на палисадник и штaketник вокруг, на редкие, проезжающие мимо машины. Я по-прежнему могла вернуться к старухе, отдавшей мне котенка, и сказать, что у меня вдруг началась аллергия или что я передумала. Может, мне было бы полегче, расскажи я обо всем Эгилю с Ингваром. Когда в курсе несколько человек, кажется, будто это вышедшая за рамки разумного игра. Мы бы подбадривали друг дружку. И тем не менее спросить их у меня не хватило смелости. Или мне не хотелось. Я решила пережить это в одиночку, движимая желанием, драйвом, стремлением накормить змею.

Позолоченным ключиком я отперла дверь в комнату, поставила клетку на пол и пошла достать Неро из террариума. Когда он хотел, я нередко оставляла его в комнате, однако в террариуме было теплее. Хотя Неро терпеть не мог, когда его туда кладут, хотя я часто слышала, как он изрыгает проклятия, я знала, что ему нужно тепло. Неро рвался на свободу, но не понимал, что это значит, – в этом я не сомневалась.

Неро позволил приподнять себя и уложить на грязно-бежевый ковер. Питон довольно быстро вырос, и теперь обходиться с ним стало сложнее, но, почувяв еду, он делался покладистым. Вот и сейчас уже распознал присутствие нового, крошечного существа. Прильнув к клетке, он несколько раз высунул язычок.

Я открыла клетку и, сунув внутрь руку, ухватила маленькое тельце. Котенок пищал и махал лапками. Его тонкая шерсть встала дыбом, будто наэлектризованная. Он кричал оттого, что его поднимают, гладят по спине, сажают на пол, оттого, что его принесли в комнату, полную движений, оттого, что он существует. Возможно, такое существо не пугает разве что тепло материнского тела, вот только теперь матери рядом не было.

Внутри у меня точно сработал сигнал тревоги. В ушах зашумело, в крови закипел адреналин, и мне пришлось напомнить самой себе, что судьба животного давно решена. Эти котята никому не нужны, а остальных уже усыпили. Лучше б отнесли в лес, на корм лисам. В норвежских домах и так засилье кошек, чьи хозяева уклеивают двери ближайших магазинов объявле-

ниями о котятках, но без толку. «Лучше уж отдать его голодному хищнику, – думала я, – чем заполнять свалки рядом с ветклиниками свидетельствами человеческой неспособности позаботиться о собственных питомцах. А так, по крайней мере, хоть пользу принесет».

Неро стремительно приближался к покачивающейся на слабых лапках добыче. Наверное, котенок заметил поблизости движение, скользящую плоть, а потом увидел и змеиную голову. И закричал. Это был не кошачий писк, а крик ужаса. Так мог бы кричать человек. Но Неро вонзил зубы в шуплую шею, и крик тут же стих. Осталось лишь движение, змеиное тело, все плотнее смыкающееся вокруг добычи.

Я вдруг подумала, что змеи хотя бы честны. Они не пытаются замаскировать свои поступки рассуждениями о нравственности. Человек же сперва разглагольствует о добре и зле, а в следующую секунду нарушает свои же заповеди. Человек – представитель биологического вида, который возводит вокруг своего так называемого зла стены из дерева и камня. Называет свою добычу стейком и делает вид, будто этот стейк никогда и не жил. К чему эти игры? Если женщина убьет своего мужа, ее проклинают и называют ее поступок неестественным. Почему никто при этом не вспоминает о паучихе, съедающей партнера сразу после того, как он ее оплодотворит? Почему бы не признать, что это – тоже часть нас? Это тоже природа.

Взгляд Неро на секунду остановился на мне. Питон словно поблагодарил меня. А потом он принялся заглатывать добычу. Меня затошнило. В груди, животе и промежности пульсировала кровь. Я сняла брюки с трусами, сунула руку между ног, с силой потерла раз десять-двадцать – и кончила.

Мариам

Кристиансунн

Пятница, 18 августа 2017

Я сидела за столом в гостиной. Силы меня покинули. На стене плясали синие отблески мигалок на улице. Предупреждение всем соседям о том, что что-то случилось. Нет, ничего подобного. Не стану в это верить. Она просто поехала к кому-нибудь в гости. В худшем случае, села на автобус и усвистела куда-то. Ничего страшного не произошло, я в это не верю. Пара часов – и ее найдут. Она наверняка попросит помочь кого-то из взрослых или сама домой вернется. Подобное происходит на каждом шагу: дети сбегают и возвращаются.

Меня на всякий случай попросили следить за телефоном. На столе, на подставке под тарелку, лежали оба мобильника – мой и Ибен. Не сводя глаз с бликов на стене, я набрала в легкие воздух и медленно выдохнула. Мне бы лучше пойти поспать. Завтра суббота. У Ибен гандбольный матч, а я обещала по такому случаю испечь пирог для их спортивного кафе. Пакеты с продуктами по-прежнему стояли на кухне, яйца, скорее всего, разбились, молоко скисло – значит, надо будет завтра с утра бежать в магазин. Когда Ибен вернется, она мне поможет. Только б не слишком далеко уехала и успела добраться до дома уже сегодня ночью... При мысли о том, что она замерзнет и испугается, мне сделалось не по себе. И вдруг среди взрослых она выберет не того, кого следует?

– Мариам Стейнерсен Линд?

На пороге – мужчина. Он уже разулся и стоял в носках, джинсах и белой рубашке. Высокий и широкоплечий. Волосы темные с проседью, густые брови, крючковатый нос. В руке он сжимал потертую кожаную папку с кнопкой. Гибрид водопроводчика и старомодного классного руководителя.

– Старший инспектор Руе Ульсвик. – Подойдя ближе, он показал удостоверение личности и пожал мне руку.

– Как-как? Рогер?

– Руе. Р. У. Е. По-древнескандинавски это означает «честь».

Он из Олесунна. Его диалект заплескал у меня в ушах. А имя свое полицейский произнес, выпятив мощную грудь. Он выпустил мою руку, открыл папку и достал диктофон.

– Я хотел бы задать вам несколько вопросов, Мариам. Надеюсь, вы не против?

Я отвела взгляд. Вопросы – последнее, что мне сейчас нужно. Мне хотелось закрыть глаза и притвориться, будто этого дня никогда не было. А завтра все будет как обычно.

– Я уже разговаривала с... забыла, как его зовут.

Он кивнул.

– Знаю. Это хорошо, но со мной вам тоже надо поговорить. Вы не против?

Тон его мне не понравился. Какой-то этот полицейский чересчур любезный, словно вознамерился очаровать меня. Но на самом деле милым он мне вообще не казался.

– А еще, Мариам, можно вас кое о чем попросить? Я приехал сюда второпях и не захватил письменные принадлежности. У вас, случайно, ручки с бумагой не найдется?

Может, он из тех, кто полагает, что когда тебя называют по имени – это приятно? Словно я сама собственное имя не знаю...

– А диктофона вам недостаточно?

Он наградил меня улыбкой, истолковать которую у меня не получилось.

– Достаточно, но старые привычки, сами понимаете... Я люблю записывать все на бумаге – это дает мне уверенность, что ничего важного не пропадет. Не составит вам труда?..

Я встала и пошла на кухню. Кажется, где-то там валялась бумага, но я так редко ею пользуюсь... Порывшись в поваренных книгах, я открыла ящик с шумовками, столовыми

приборами и венчиками для взбивания. И наконец отыскала блокнот, в котором записала рецепт булочек и набросала список покупок. Единственной ручкой оказалась бирюзовая гелевая, похоже, принадлежащая Ибен. Я посмотрела на ручку, на переливающийся цвет. Девочка моя маленькая, ей нравятся пастельные тона... Почему я не купила ей этот комикс?

Когда я вернулась в гостиную, полицейский держал в руках нашу семейную фотографию, стоявшую на полке. Он вернул фотографию на место и кивнул на нее.

– Замечательная у вас семья, Мариам.

Моя дочь пропала. Почему он говорит об изувеченной семье так, будто она здорова? Я посмотрела на снимок. В середине – Ибен, мы с Туром с двух сторон от нее; в лицо ей светит солнце. Это она от меня прячется, специально. Когда вернется, непременно узнает, сколько из-за нее поднялось шума. Я отведу ее в полицию, и пускай они в красках распишут, как искали ее. А Тур пускай рассказывает, как ходил по улицам и звал ее, как он боялся. Предыдущий полицейский спросил, нет ли у меня номера телефона кого-нибудь из подружек Ибен. Точно я не знала, зато дала ему список всего класса. Лучше пускай Тура спросят.

Мы усадились друг напротив друга за столом, где я последний час сидела, положив перед собой телефоны и время от времени поглядывая на журнал Ибен, который она снова и снова перечитывала за ужином. Это настолько вошло у нее в привычку, что я перестала убирать старые журналы, и теперь Ибен сама меняла их на новые.

– Ну что ж, – Руе сделал пометку на бумаге, – мне отчасти пересказали все ваши показания, однако у меня возникли дополнительные вопросы. Вы говорите, что Ибен убежала от вас в магазине, после того как вы с ней поссорились?

В горле пересохло. Я кивнула.

– Расскажите, почему именно она убежала.

– Ибен захотелось один комикс, а я отказалась его покупать. Мы поссорились, и она убежала. Я думала, что она ждет меня возле магазина или просто скоро вернется, но она исчезла. Он тоже кивнул.

– Вы говорили с охранниками или еще кем-нибудь в магазине?

Нет, из-за собственных чувств на других людей я не смотрела.

– У меня была полная тележка продуктов, таскаться с ней было неудобно. К тому же я решила, что Ибен ждет меня возле машины.

Он записал еще что-то.

– Когда вы не обнаружили ее около машины, почему не вернулись и не спросили охранников, видели ли они ее?

– Я думала, она побежала домой. Там же недалеко.

Руге поднял голову.

– А дома был кто-то из взрослых?

– Тур был на работе.

– У нее есть ключ от дома?

Я покачала головой. Раньше у нее был ключ, но Ибен его потеряла, а призналась лишь несколько недель спустя. Нам пришлось менять замок.

Полицейский постучал ручкой по блокноту.

– Я не вполне понимаю. Почему же вы думали, что она побежит домой?

Я уставилась в столешницу. Я должна была поступить как настоящая мать. Таким полагается землю рыть ради того, чтобы отыскать своего ребенка. Рыдать и звонить в полицию спустя всего полчаса после того, как она в последний раз видела дочурку, потому что она так боится, ну просто ужас. Но во мне победила Мариам – она пришла в ярость и сбежала. Полицейскому этого все равно не объяснишь, да и не надо. Ибен просто спряталась.

Руге кашлянул.

– Значит, вы думали, что Ибен побежала домой. Вы сели в машину, однако домой не поехали?

– Я поехала проветриться. В сторону Тронхейма. Я уже рассказывала.

Он кивнул.

– Вы рассердились, почувствовав, что одиннадцатилетняя девочка обошлась с вами несправедливо, и уехали подальше, чтобы побыть в одиночестве?

В его трактовке мое поведение выглядело по-детски. И снова это выражение, загадочное, которое я не могу истолковать... Он записал еще что-то – наверное, что на вопрос я не ответила.

– Сколько времени вас не было?

– Как уже сказала, я вернулась домой в десять – половине одиннадцатого.

– Значит, вы отсутствовали от семи до восьми часов. Вы часто так уезжаете, на несколько часов?

Я откашлялась.

– Нет, нечасто.

Полицейский буравил меня взглядом. Почему он так злится?

– Почему вы уехали, Мариам? Почему не стали искать дочь?

Я сама не заметила, как вжала голову в плечи. С усилием выпрямившись, вздохнула.

– Не знаю.

– Знаете, Мариам, я допускаю, что вы говорите неправду.

Голова снова вжалась в плечи.

– Зачем мне врать?

Он кашлянул и принялся ритмично постукивать ручкой по блокноту.

– На этот вопрос только вы и можете ответить. Возможно, на самом деле вы пытались ее искать. И откуда мне знать, что вы и впрямь были в машине одна и что ваша дочь не сидела рядом с вами? Откуда мне знать, Мариам?

Он повторял мое имя в каждой фразе. Как будто колот меня им, бросал мне в лицо.

– Она там не сидела, – возразила я, голос мой дрожал, – ее не было в машине.

– И мне в голову пришло еще кое-что, – продолжал Руе. – Возможно, она лежала в багажнике. Она лежала в багажнике, Мариам?

– Нет! – Я хлопнула ладонью по столу. – Я ей ничего не сделала!

Лицо полицейского залило румянцем. Он открыл свою кожаную папку и вытащил что-то плоское в пакете. Журнал или брошюру. Комикс. Положил его на стол передо мной. Комикс был в полиэтиленовом пакете с замком «зиплок». Соблазнительные девушки-зомби с блестящей помадой.

– Этот комикс Ибен просила у вас, Мариам?

Хоть бы он прекратил твердить мое имя. Сил больше нет. Я уставилась на комикс.

– Где... Где вы его нашли?

– Он валялся возле детского сада. Это короткая дорога до вашего дома, верно?

У меня даже кивнуть не получалось. Затылок налился свинцом. Комикс нашли рядом с домом. Нет, это неправда. Не может быть. Полицейский перелистнул несколько страниц в блокноте и протянул его мне вместе с ручкой.

– Мне надо знать, куда вы ездили. Останавливались ли где-нибудь перекусить. И названия кафе, если вы куда-то заезжали. Вас не было семь-восемь часов; значит, вы что-то ели. Мне также нужно знать, во сколько вы сели на паром до Халсы. Если вы, как сами утверждаете, поехали в сторону Тронхейма, то вам пришлось и на паром заезжать. Это, конечно, если вы семь часов подряд не крутились где-нибудь на круговом движении.

Я посмотрела на блокнот, который Руе протягивал мне. Перевела взгляд на блестящие губы на обложке комикса. Выходит, Ибен взяла этот журнал и побежала сюда, но не добежала...

– Простите за резкость, – сказал полицейский, – разумеется, основная наша версия: Ибен убежала и сейчас находится у кого-то в гостях. И тем не менее, как вы понимаете, полиция должна проверить все версии.

Лицо у него по-прежнему алело. Он показывал пальцем на блокнот.

– Закусочные, заправки, может, кафе, да что угодно... Все те места, куда вы сегодня заезжали.

Я схватила ручку. Постаралась вспомнить, чем занималась. Делала вид, будто это совершенно обычное дело – и то, как я поступила, и то, что Ибен исчезла.

– Думаете, она села к кому-то в машину? – голос мой дрожал.

– Я ничего не думаю, – отрезал он.

– Тур еще ничего не понял, – сказала я, – у него не было времени над этим поразмыслить. Понять, что я собиралась... ну да, сбежать.

Полицейский кивнул. Он заглянул мне прямо в глаза, но тут же отвел взгляд – посмотрел на блокнот у меня в руках. Ждал, когда я начну записывать.

Лив

Олесунн

Понедельник, 15 марта 2004 года

Мне тогда было лет шесть, и я лежала в кровати. Патрик смотрел в гостиной телевизор. Оттуда доносились какие-то странные звуки. Он, похоже, смотрел кино. Сказал, что ночью мне из комнаты выходить нельзя, но мне ужасно приспичило в туалет. Я выпила перед сном стакан молока, а ведь Патрик предупреждал, что я об этом пожалею. Вот молоко и попросилось наружу. Мне представилось, что моча в унитазе тоже будет белой. Если открыть дверь тихо-тихо, то Патрик не заметит, а я прокрадусь мимо. Я уцепилась за ручку двери и медленно, чтобы не шуметь, нажала на нее. От усердия я даже язык прикусила. Патрика я не потревожу, только до туалета добегу – и обратно. Я приоткрыла дверь, и звуки сделались громче. Женское хихиканье. Я осторожно высунула голову. Патрик сидел на диване, спиной ко мне. Его волосы падали на плечи. Я посмотрела на экран, силясь понять, что же я вижу. Лица двух женщин где-то сбоку – это они хихикали. С растрепанными волосами, склонив головы и высунув языки. Одна из них сжимала в руке мужской писюн, а тот занимал пол-экрана, похожий на ящерицу, на толстого слизня. Женщины смеялись и смотрели прямо на нас, высовывая длинные языки. Что они такое делают?

– Сара, – Патрик расхохотался, – ты чего вскочила?

Я затрясла головой. Хотела отступить, отвернуться, но в этот момент писюн на экране вдруг увеличился, превратился в удава. Он был совсем рядом, в комнате.

Извиваясь, как червяк, он тянулся ко мне. В ушах гремел смех Патрика.

* * *

Я вскочила. Занавески развевались от ветра, плясали, похожие на просторный плащ. Я поднялась с кровати и пошла закрыть окно. Потом вернулась в кровать, где возле того места, где прежде лежала я, расположился Неро. Когда я опять улеглась, он потянулся, показывая мне коричневые, желтые и черные чешуйки. Времени прошло всего ничего, а он вырос вдвое по сравнению с тем, каким был, когда мы взяли его. Я провела рукой по блестящей коже. Змеи, в отличие от теплокровных животных, равнодушны к человеческим ласкам. Наши с Неро отношения были необыкновенными, так мне казалось, однако я чувствовала, что поглаживание его раздражает. Вот и сейчас он принялся извиваться, а потом сполз на пол и дополз до батареи под окном, где и свернулся.

Я встала, подошла к нему и опустилась на колени. Протянув руку, попыталась восстановить связь с ним, ухватила за кольцо и дернула к себе, но питон воспротивился, поднял голову и зашипел. Как обычно, я услышала в шипении разъяренный приказ. Неро кинулся на меня, и я отпрянула.

Котенка он съел месяц назад. Без еды змеи способны продержаться намного дольше, и тем не менее я видела, что он опять проголодался. Я пыталась кормить его курятиной, но к мертвечине он больше не притрагивался. Вместо этого бросался мне на руку и выплевывал приказы. Движущей силой наших отношений была моя неспособность как следует накормить его. Он же не понимал, каких трудов это мне стоило в прошлый раз и каково мне было. Он не мог взять в толк, почему добыча не появляется по первому его требованию.

Дрожа, я накинула халат, пошла на кухню и, подняв с пола местную газету, открыла ее на странице «Отдам даром». Там было полно объявлений от владельцев животных.

– Кто у нас проснулся? – раздался с порога голос Ингвара.

На Ингваре была футболка с большими зелеными буквами, которые складывались в надпись *Sleep*, и изображением бредущего по пустыне темного каравана – мотива из альбома *Dopesmoker*. Я свернула газету и положила ее на стол.

– Ты-то чего не спишь? – спросила я.

Он пожал плечами.

– Я музыкант. – Открыл сервант, достал чашку и налил в нее воды из-под крана. – А вот тебя мы совсем не видим, вечно взаперти сидишь... – Мотнул головой в сторону моей комнаты.

– К занятиям готовлюсь.

– По ночам тоже?

Я посмотрела на свои босые ноги на полу. Из-под большого пальца выглядывал комочек пыли. Я потерла одну ногу о другую и стряхнула его.

– Небось бессонница, – сказал Ингвар.

– Кошмар приснился, – ответила я.

Он сел напротив меня и провел рукой по бороде.

– Ты с Эгилем давно разговаривала?

Я кивнула.

– Я же все время у себя сижу.

– Он провалил экзамены. И отец больше не дает ему денег.

– Я и не знала, что все так плохо, – сказала я.

– Все намного хуже. Его папашу не устраивает, что Эгиль живет с нами. Говорит, мы на него плохо влияем.

Я засмеялась.

– Не исключено, что он прав.

– Он грозит оставить Эгиля без наследства. И тот бесится... Ты же на его днюху придешь?

Я ковырнула ноготь на пальце.

– Ну да.

Ингвар опустил взгляд.

– Ты же знаешь, что... со мной можно поговорить, о чем хочешь. Если надо.

Я засмеялась.

– Да, Ингвар, ты – моя лучшая подруга.

– Я серьезно, – он посмотрел на меня, – правда.

Я зажмурилась, стараясь отогнать воспоминания. Мерные шлепки из комнаты, когда Патрик думал, будто я сплю. И то, как он приходил ко мне потом...

– Ты с ним больше не общаешься?

Ингвар покачал головой.

– И сюда он не придет. – Он снова покачал головой. – Нет. Обещаю.

Я посмотрела на Ингвара.

– Темноватая футболка.

– Для тебя, может, и темноватая. А мне нормально.

После Патрика оставались мокрые пятна со сладковатым запахом. Высыхая, они не исчезали, а чистое сменное белье у нас бывало не всегда. Вспоминая девочку по имени Сара Шейе, я всегда чувствую этот запах.

Я посмотрела на Ингвара, перевела взгляд на свои ноги. Ковырнула пол.

– Что я тогда наговорила? Я в тот вечер напилась и рассказала о Патрике. А что именно, не помню.

– Мне это все неохота повторять, – сказал он, – но за такое член оторвать мало.

– А ведь это еще не самое страшное, – прошептала я.

У меня не осталось сил говорить об этом. О том, как изменилась та маленькая девочка, какой я была когда-то. О том, какой прилипчивой она сделалась. Как хвостиком ходила за братом, требуя его внимания. Как пританцовывала вокруг него. Бывало, именно она первой забиралась к нему в кровать.

– Самое страшное – что я его любила, – сказала я Ингвару. – Поэтому и сбежала.

Ингвар обнял меня – бородатый, теплый, обхватил меня руками, и я, уткнувшись ему в плечо, всхлипнула.

– Это не любовь, – проговорил он, – любовь не такая.

– Для меня она такая.

Ронья

Кристиансунн

Суббота, 19 августа 2017 года

По пути в отделение полиции я заглянула в магазин за парацетамолом, солеными крекерами и «энергетиком». Торговый центр у причала располагался там же, где и всегда, и ничто не напоминало о том, что происходило там вчера. Я расплатилась и, шагая к выходу, открыла пакетик крекеров. Сунув один в рот, села на велосипед и доехала до работы. Что бы вчера ни случилось, произошло это прямо под носом у полиции – возможно даже, как раз в тот момент, когда мы праздновали. Вероятно, я и протрезветь толком не успела, но ждать больше не хотела ни минуты.

Хорошо бы Август еще не пришел. Хорошо бы притвориться, хотя бы ненадолго, будто вчерашнего дня не было... Однако едва я вошла в отдел расследования преступлений, как услышала его голос. Мало того – он, похоже, выпалил: «Что за хрень!» Прежде я еще не видела его сердитым. Прислушалась. Бранились в кабинете Шахида. Дверь туда была закрыта – значит, ругались громко. Остальных слов я не расслышала, но Август практически кричал, а начальник отвечал ему так, словно успокаивал. Потом дверь распахнулась, и из кабинета выскочил Август. Чтобы не столкнуться с ним, я отскочила на несколько шагов и уронила на пол банку с «энергетиком». Он удивленно посмотрел на меня, но тотчас же отвернулся и зашагал по коридору к своему кабинету.

– Привет, Ронья, – услышала я голос начальника.

Я залилась краской и наклонилась поднять банку, пробормотав:

– Я просто мимо проходила...

– Да это же отлично, что ты так рано пришла, – сказал Шахид. – Ты – одна из первых. Слушай, через полчаса придет Тур Линд, отец пропавшей девочки. С ним надо снова побеседовать. И с его женой, но она придет попозже. Нам нужно, чтобы кто-нибудь вел протокол бесед. Как думаешь, справишься?

– Разумеется.

– Если дело затянется, у тебя появятся и другие обязанности, но сейчас это нужнее всего. Я и сам хочу поприсутствовать, однако сначала мне нужно кое-что уладить. Договорись с Августом, как будете работать.

Этого я не ожидала. Обычно я работаю в паре с Биртой. И обычно легко подстраиваюсь. Значит, и сейчас придется подстроиться... Я стиснула зубы и пошла в кабинет. У меня было полчаса на то, чтобы протрезветь, как следует проснуться, победить головную боль, отдышаться и избавиться от румянца. Ничего, все пройдет отлично.

Когда я заглянула в кабинет Августа, тот посмотрел на меня таким взглядом, который и не поймешь толком. Вроде как выжидающим и одновременно недоверчивым. Вчерашний поцелуй угольком горел на губах, хоть это и было странновато. Мне сделалось неловко, в глаза ему смотреть не хотелось, однако если не смотреть, получится еще глупее.

– Шахид попросил меня вести протокол беседы, – объяснила я.

Ему, похоже, полегчало. Выходит, он думал, я пришла обсуждать вчерашнее. Я случайно шаркнула ногой, и Август посмотрел на пол. Он проводит допросы, поэтому подобные признаки волнения сразу же подмечает. Чтобы выставить себя идиоткой, вот такой малости более чем достаточно.

– Ладно, – Август сделал вид, будто не замечает, как пылают у меня щеки, – вопросы задавать буду я, а ты тогда посиди понаблюдай. И записывай все, что получится. – Посмотрел на часы. – Он уже скоро придет.

Встав, датчанин дважды потер ладонями брюки, так что не я одна тут нервничаю. Показал на дверь, и я пошла впереди него в комнату, смежную с переговорной, а сам Август направился в переговорную проверить, всё ли в порядке. Мы сработаемся. Причин для тревоги нет. Примерно с час я буду видеть его на экране – только и всего. А всем остальным плевать. Я профессионал и умею разделять работу и личную жизнь.

Уже подойдя к своему рабочему месту, я решила, что надо бы сбегать в туалет, пока беседа еще не началась. Глупо будет что-нибудь упустить. Я метнулась к туалету, чувствуя себя девчонкой-подростком, явившейся на работу с похмелья. Едва я успела вернуться, как в переговорную вошел Август в сопровождении Тура Линда и стал оглашать тому его права.

Август отлично справлялся с ролью чуткого полицейского. Он спросил, не сложно ли Линду понимать его датский, предложил стакан воды и извинился за то, что помещение такое неудобное. Тур Линд, выпрямившись, сидел на стуле в тесной переговорной, положив руки на колени. Под застегнутым серым кардиганом и синей рубашкой намечался небольшой животик. Светлые с проседью волосы, глубокие залысины. Голубые глаза спрятаны за очками в серебряной оправе. Ему за пятьдесят, то есть он старше жены, но сохранился неплохо. В сущности, Линд мужчина привлекательный, с харизмой. Я записала, что он спокоен и собран, на первые вопросы отвечает четко и внятно. Как Линд уже сообщал вчера следователю, домой он вернулся в пять, полагая, что Мариам и Ибен уже дома. Однако их там не оказалось. Он звонил и жене, и дочери, но не дозвонился. Мариам вернулась примерно в половине одиннадцатого. Одна.

– Кто-нибудь может подтвердить, что вы были дома?

Линд ответил сразу же:

– Сосед напротив как раз траву косил. Вы с ним еще не говорили?

– Говорили, – Август кивнул. – Он сказал, что вы вернулись в пять. Но может ли кто-то подтвердить, что вы оставались дома и никуда не выходили?

– Разве что соседи через окно меня видели... Дома я был один.

Я посмотрела на пальцы Августа. Тонкие и неправдоподобно длинные, сцепленные в замок. Он и сам чересчур худой и длинный, словно герой мультфильма. Я притронулась к губам. Глупости, ну что за глупости...

– Вы включали компьютер? – спросил Август.

– Да, включал. Читал кое-что в интернете. Между звонками Мариам.

– Что вы читали?

– Местные новости просматривал. Заметки о дорожных авариях и прочее в том же духе. Искал объяснения, почему они не вернулись домой. Я и в больницу звонил, узнавал, не там ли они...

– Когда вы туда звонили?

– Кажется, часов в семь или восемь.

Я зафиксировала время и записала, что нужно проверить домашний интернет Линда и связаться с больницей. Отметила, что Тур Линд облокотился на стол, смотрит Августу прямо в глаза и не выказывает ни малейшего волнения. Что он задает много вопросов о том, как продвигается расследование и спрашивает, отыщем ли мы Ибен живой. Если ты виновен, такое самообладание сохранять непросто; однако он политик, это тоже надо учитывать. Он привык говорить правдоподобно и убедительно.

– Расскажите, как вы познакомились с женой, – попросил Август. – Это было здесь, в Кристиансунне?

– Да, здесь. Она работала официанткой в ресторане, куда я часто заходил. На самом деле, это она на меня первая глаз положила.

– Правда? Почему вы так говорите?

– Она моложе и красивее меня.

Он старше жены лет на двадцать; разница в возрасте не сказать чтобы особо редкая, но сам Линд ею явно озабочен. Может, его тревожит что-то в отношениях с женой? Может, он боится, что она охладела к нему?

– Вы женаты много лет – какие у вас отношения с женой?

– Нам сейчас нелегко, это очевидно. Кризис случается со всеми семейными парами, но меня любовь к ней не покидала ни на день.

– А она вас любит?

С ответом он не торопился.

– Да, надеюсь. Наверняка никогда не знаешь. Мариам иногда с самой собой тяжело. Бывают дни, когда у нее не получается продемонстрировать нам свою любовь, но я уверен, что она нас любит. Я и ей это говорю.

Я записала, что о своих отношениях с женой допрашиваемый говорит искренне и честно, а в скобках добавила, что он производит впечатление человека порядочного. Немного подумав, добавила, что он идеализирует собственную семью и даже плохое старается представить в хорошем свете.

– Ваша жена чем-то больна?

Линд покачал головой.

– Нет-нет, ни в коем случае. Но ей приходится непросто. И чтобы сразу расставить все по своим местам: Ибен не моя биологическая дочь. Сам я детей иметь не могу. Ибен – плод изнасилования.

В переговорной повисла тишина. Тур Линд сцепил руки и, положив их на стол, серьезно посмотрел на Августа. Я написала: «Изнасилование» и несколько раз подчеркнула это слово. Мариам ничего об этом не говорила. Все были уверены, что Ибен – дочь Тура.

– Мариам сильная, – сказал Линд, – она справится. Воспоминания об этом событии иногда мучают ее по несколько дней подряд, но нечасто. Мариам порой и с Ибен чересчур сурово обходится. Впрочем, я знаю, что когда она срывается на дочери, то сама переживает. Мариам в детстве пришлось трудно, а в таких случаях роль матери дается особенно непросто. Ведь никому не хочется повторять ошибки, которые допустили родители.

– Мариам заявляла в полицию об изнасиловании?

Тур с серьезным видом покачал головой.

– Она не знает, кто это был. На нее напали в темноте, и заявлять она не стала. Мы познакомились спустя много месяцев после этого, иначе я постарался бы уговорить ее сообщить в полицию.

– Значит, Ибен не ваша биологическая дочь... Расскажите, пожалуйста, о том, какие у вас с ней отношения.

– Она – моя дочь. Будь я ее биологическим отцом, я не любил бы ее больше, чем сейчас. И когда мы с вами закончим этот разговор, я сразу же отправлюсь на ее поиски.

Лив

Олесунн

Суббота, 20 марта 2004 года

Я лежала под теплым одеялом, прижавшись к его телу. От гремящей снаружи музыки ножки кровати и матрас дрожали. Сережки царапали мне шею, колготки давили на талию. Мы лежали в кровати. Неро наполовину заполз ко мне под платье, елозя своим сухим шероховатым телом по моему животу. Он немного сдвинулся в сторону шеи, щекоча мне кожу.

Вдруг кто-то принялся настырно колотить в дверь.

– Лив, ну что херня! – заорал Эгиль и начал дергать за ручку.

Я накрылась одеялом с головой, крепче прижалась к питону и заглянула в его безжизненные глаза, словно разрезанные надвое зрачком.

– Я никуда не пойду, – прошептала я, – лучше останусь с тобой.

Всего за два часа до этого я уже приготовилась к вечеринке. Нарядилась в специально по такому случаю купленное платье и, стоя перед зеркалом и облокотившись на диван, надела сережки. Эгиль расхаживал по дому в рубашке стоимостью в полмашины. Я не стала спрашивать, не в кредит ли он ее купил. «Эгилю 20 лет», – кричал со стены написанный большими буквами плакат. Эгиль перечислял имена всех, кого наприглашал, – мол, как же волшебное все будет! Все и впрямь было чудесно, почти как в самом начале, когда я только переехала сюда. Мы расставляли на подносе стаканчики с красным, желтым и зеленым желе, и предвкушение праздника передалось даже мне.

Сперва я настроилась на вечеринку, даже несмотря на то что могла наткнуться на Дэвида или еще какого-нибудь придурка, который начнет ко мне приставать. Пускай Эгиль, мой верный друг, от души повеселится. Однако еще до прихода гостей он взялся за старое, а к этому я готова не была.

– Других подарков мне от тебя не надо, Лив. Все уже даже не спрашивают, почему мы его прячем. Они думают, я вру им про питона.

– Я вообще не понимаю, зачем ты всем про него растрепал, – сказала я.

– Потому что я не придумываю себе всякие странные правила, – окрысился Эгиль.

– Тебе что, внимания не хватает? Ты поэтому хвастаешься? – поддела его я. – Ну да, твой папаша перерезал пуповину, и теперь тебя не уважают...

Разинув от удивления рот, Эгиль уставился на меня так, будто ушам своим не верил. А потом бросился на меня, стараясь завладеть ключиком. Цепочку он порвал, но я заехала локтем ему в живот, вырвалась и, развернувшись, быстро зашагала к себе. Укрыла себя и Неро одеялом и затаилась. В доме гремела вечеринка. Голоса отскакивали от стен и потолка, ноги топали по поцарапанному паркету и линолеуму, а Эгиль колотил в мою дверь. Ничего, к нам он все равно не вломится. Мы с головой накрылись одеялом и вдыхали дыхание друг друга.

– Ты никогда не думал, – прошептала я, – что жизнь – это стена, которую мы стараемся пробить, чтобы посмотреть, что там, с другой стороны?

В ответ Неро лизнул раздвоенным язычком воздух.

Американские индейцы считали змей связующим звеном между людьми и потусторонним миром. Они просили этих животных донести их молитвы до богов дождя. Когда наконец начинался дождь и змеи выползали из нор, индейцы видели в этом знак, что их молитвы услышаны.

– Ты – тот, кому лучше всего известно, что там, с другой стороны, – прошептала я.

Эгиль прекратил наконец долбиться в дверь; остался лишь грохот музыки. Теперь я точно все испортила. Этого он мне не простит. Однако от самой мысли о том, как я выйду туда, меня воротило. Неделя получилась долгая и тяжелая. Лекции давались мне без труда – намного

мучительнее было общаться с другими девушками. Им свойственно все время спрашивать, что правильно и неправильно. И когда они не обсуждают, как полагается складывать простыни и отмерять нужную дозу лекарства, то болтают о парнях. Мне их проблемы чужды. Ко мне мужчины относятся иначе, не так, как к ним. С ними мужчины флиртуют и хотят общаться. А ко мне приближаются словно для того, чтобы победить врага.

С девочками мне с детства сложно. Тогда они, одетые в розовые пуховики, сидели в песочнице и расчесывали хвосты своим разноцветным игрушечным пони. Волосы у этих девочек изящной волной ниспадали на плечи. Девочки смотрели на серую куртку, доставшуюся мне от Патрика, стоптанные кроссовки, пепельные нестриженные и чаще всего немые волосы. Смотрели, переглядывались и хихикали.

С мальчиками было проще. Достаточно вести себя не как девочка: лазать по деревьям, драться и все в таком духе. В основном мне это удавалось, пока кто-то из мальчиков не попытался столкнуть меня с обрыва. Я вырвалась и, отбежав на безопасное расстояние, схватила первый попавшийся под руку камень и кинула в обидчика. На самом деле я вовсе не собиралась причинять ему боль. Камень угодил мальчишке прямо в голову. Рана была пустяковая, но мать мальчика пришла в ярость. После этого никому из детей не разрешалось со мной играть. Только Патрику.

Я читала, что змеи не испытывают привязанности. Они не живут в стае. Когда охотятся вместе, они не помогают друг дружке, а соперничают. Не привязываются к другим и ни от кого не зависят. Как только детеныши вылупляются из гнезда, мать покидает их. Мне казалось, что я тоже смогу так жить, без семьи и друзей. А с остальными представителями моего биологического вида соприкасаться лишь тогда, когда они способны принести мне пользу. Я думала, что именно поэтому между нами и появилась эта связь – потому что мы оба такие независимые.

– Как бы мне хотелось сблизиться с тобой, Неро, – прошептала я.

В эту секунду в мое окно постучали, быстро и настойчиво. Я посмотрела туда и увидела чье-то лицо. Днем я всегда раздвигала занавески, чтобы Неро доставалось побольше солнечного света. В террариум я его теперь почти не сажала, позволяя свободно ползать по комнате. А сегодня забыла задернуть занавески. Я нехотя выпустила Неро и подошла к окну.

За окном стоял Дэвид, зажав в зубах сигарету. Темные волосы падали на лицо, глаза – словно черные дыры. На нем снова было худе, еще более мешковатое, чем в прошлый раз. Я приоткрыла окно. Он не сводил с меня глаз.

– Тебе чего? – спросила я.

Дэвид сделал затяжку и выпустил дым прямо мне в комнату, по-прежнему серьезно глядя на меня. Он смотрел на меня так, словно старался восстановить справедливость после того унижения, которому я подвергла его в прошлый раз. Будто решил показать, что он не из тех, кто сдается без боя.

– Сигарету?

В тот момент это слово было единственным способом заставить меня открыть окно. Я уселась на подоконник и потянулась было к пачке, но Дэвид быстро отдернул ее. Затем помахал рукой, чтобы я сдвинулась и освободила ему место. Я послушалась, он ухватился за подоконник и прыгнул на него; его плечо уперлось в мое.

Дэвид прикурил мне сигарету, и я жадно затянулась, впуская дым в легкие. Курить меня научил Патрик. Это он показал, как правильно затягиваться, и смеялся, когда я закашливалась.

Дэвид ничего не говорил – просто молча сидел рядом со мной, разбавляя темноту голубовато-серыми облачками дыма. Он докурив раньше меня, затушил окурочок о стену и выкинул его в палисадник. Обернувшись, заглянул в комнату и вздрогнул. А потом расхохотался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.